

Глава 9

РОЛЬ СТАЛИНА В РЕШЕНИИ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1. Главная цель – восстановление и развитие экономики

Победоносное завершение Великой Отечественной войны означало для Сталина не только торжество правильности его военно-политической и стратегической линии. Оно со всей ясностью вместе с тем вскрыло и серьезные ошибки и недостатки в подготовке страны и ее вооруженных сил к отпору агрессорам. Он, конечно, в своих публичных выступлениях касался этой щекотливой проблемы, однако не делал на этом акцента по причинам вполне понятным и объяснимым. Однако для себя сделал надлежащие уроки и суровые выводы. Мировая обстановка после войны не сулила спокойствия и благолепия, не означала, что Советская Россия отныне находится в полной и гарантированной безопасности. Напротив, новые тенденции и веяния в политике союзников со всей определенностью говорили о том, западные державы всерьез намерены воспользоваться разрушой, в состояние которой привела страну война, для того, чтобы диктовать свои условия Советскому Союзу. Сталина не убаюкивали миролюбивые заявления лидеров западных стран, ибо он исходил не из сентиментальных чувств, а из реальной оценки положения. И первой – и самой неотложной – задачей являлось восстановление разрушений, причиненных войной. А размеры ущерба носили поистине астрономический характер.

Поэтому на первый план встали задачи экономического порядка. Stalin незамедлительно поставил этот вопрос в качестве приоритетного во всей жизни государства. Именно эти задачи со всей четкостью были поставлены им в речи перед избирателями 6 февраля 1946 г. Тогда он сказал: “Теперь несколько слов насчет планов работы Коммунистической партии на ближайшее будущее. Как известно, эти планы изложены в новом пятилетнем плане, который должен быть утвержден в ближайшее время. Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить до-военный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы.

Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны.

Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам воз-

можность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать...

Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности...”¹

Как видим, программа была намечена более чем грандиозная. Некоторыми она была воспринята как явно нереальная и чрезесчур завышенная, поскольку для ее реализации отводился слишком небольшой по историческим меркам срок. Многие города и села лежали в развалинах, люди устали от чрезмерного напряжения во время войны, не хватало квалифицированных кадров практически во всех сферах экономики, наличные ресурсы были строго лимитированы. Словом, как считали многие, намечался новый великий, но слишком крутой перелом. А люди, надо признать, испытывали потребность хотя бы некоторое время отдохнуть, пожить не в обстановке постоянного аврала. Иными словами, в грандиозных планах вождя в потенции были заложены не только чисто объективные экономические трудности, но и субъективные – преимущественно морально-психологического плана.

Но Сталин не был бы самим собой, если бы довольствовался половинчатыми решениями и отказывался от грандиозных задач в столь короткие исторические сроки свершить намеченное. Надо отметить, что и сам вождь уже не мог похвастаться блестящим состоянием здоровья. Война не прошла даром: она сильно подорвала его силы, что было неудивительным, учитывая почти нечеловеческие нагрузки, которые ему пришлось переносить в годы войны. Близко соприкасавшийся со Сталиным в то время управляющий делами Совнаркома (затем Совета Министров СССР) Я.Чадаев отмечал, что уже в первые годы после разгрома фашизма здоровье Сталина заметно ухудшилось. Во многом сказалось огромное напряжение военных лет. В чем-то ему пришлось себя ограничивать. Врачи настойчиво рекомендовали «вождю народов» бросить курить. Курить он стал гораздо меньше, большую трубку заменил на меньшую по размеру, хотя окончательно «порвал с курением» только в последний год жизни.²

Но, как говорится, здоровье здоровьем, а восстанавливать разрушенное было необходимо вопреки всем трудностям. Но дело не ограничивалось одним лишь восстановлением. Это являлось первоочередной, но не единственной задачей. Речь шла о том, чтобы путем интенсивного развития всех отраслей народного хозяйства на основе внедрения новейших достижений науки и техники сделать настоящий рывок в развитии страны, чтобы хотя бы по некоторым важнейшим параметрам сравняться с развитыми странами Запада. А Сталин видел в них не только вчерашних союзников, но и потенциальных соперников, а вероятнее всего, – будущих противников. Все это в совокупности и предопределяло сталинскую стратегическую линию в области экономического развития Советской Рос-

¹ И. Сталин. Соч. Т. 16. С. 15–16.

² См. Г.А. Куманев. Рядом со Сталиным. С. 389.

ции. Пока еще у него хватало сил и энергии, воли и целеустремленности, чтобы успешно добиваться решения поставленных перед страной задач.

По своей сложности и масштабам эти задачи, вне всякого сомнения, превосходили все, что было сделано в прежние годы. Нужны были как новые, нетрадиционные, творческие подходы к их успешному решению, так и колossalная организационная работа. И страна, весь советский народ приступили к осуществлению намеченных планов.

По инициативе Сталина было решено в самое короткое время составить и принять пятилетний план. Политбюро ЦК ВКП(б) дважды — 14 февраля и 4 марта 1946 г. — обсуждало окончательный проект плана. После этого он был представлен на рассмотрение и утверждение в Верховный Совет СССР второго созыва.

Верховный Совет СССР заслушал доклад о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы, с которым выступил кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский. Развернулось его широкое обсуждение. 18 марта Верховный Совет СССР единогласно принял "Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы".

В Законе определялись основные хозяйственно-политические задачи пятилетнего плана: восстановить пострадавшие районы страны, восстановить доведенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах. Для их выполнения предусматривалось первоочередное восстановление и развитие тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта, сельского хозяйства и промышленности.

Пятилетний план предусматривал скорейшее восстановление разрушенных основных производственных фондов и значительное расширение материально-технической базы народного хозяйства. Для этого требовалось не только восстановление и развитие промышленности районов, подвергавшихся оккупации, но и расширение, и укрепление индустриальной базы на Востоке страны, освоение новых районов. Общий объем продукции промышленности увеличивался по сравнению с предвоенным 1940 годом на 48 процентов, в том числе в освобожденных районах — на 15 процентов.³

Соответственно планируемым масштабам восстановления и развития народного хозяйства определялся объем капиталовложений. За пятилетие они должны были составить 250 миллиардов рублей (в ценах соответствующих лет), из них около 115 миллиардов рублей — на возрождение и развитие хозяйства и культуры в республиках и областях, разоренных фашистской оккупацией. Размеры и направления капиталовложений обусловливались прежде всего конкретными задачами восстановления в каждой отрасли и экономическом районе, необходимостью совершенствования структуры производства, сложившейся в предвоенные и военные годы, требованиями научно-технического прогресса.

Предстояли колоссальные строительные работы. Намечалось восстановить, построить и ввести в действие не только тысячи крупных заводов и фабрик, но и множество средних и мелких предприятий.

Ведущее место в пятилетнем плане отводилось тяжелой индустрии, темпы роста которой должны были опережать темпы роста производства предметов потребления.

Для четвертой пятилетки было характерно ускоренное развитие и повыше-

³ Заседания Верховного Совета СССР (первая сессия) 12—19 марта 1946 г. М. 1946. С. 56.

ние доли Востока страны в производстве металла и добыче нефти. Всемерное укрепление индустрии на Востоке страны являлось одним из необходимых условий успешного возрождения хозяйства в районах, подвергавшихся оккупации. При этом признавалась нецелесообразной реэвакуация большинства промышленных предприятий из тех мест, где они заново сложились и окрепли, имели топливно-сыревую базу и налаженные кооперированные связи.

Наиболее высокие темпы роста по пятилетнему плану намечались для машиностроения, от которого прежде всего зависел технический прогресс в народном хозяйстве. Особенно возрастало производство металлургического оборудования, станков, автомобилей, тракторов, паровозов и вагонов, электрооборудования.

В области сельского хозяйства Закон о пятилетнем плане предусматривал восстановление и развитие земледелия и животноводства в районах, подвергавшихся вражеской оккупации, и превышение к концу пятилетки довоенного уровня сельскохозяйственного производства в целом по СССР. Для этого требовалось обеспечить дальнейшее упрочение общественного хозяйства колхозов и материально-техническое укрепление машинно-тракторных станций и совхозов.

В новой пятилетке планировалось повышение материального и культурного уровня жизни народа на основе значительного роста национального дохода. Если в 1940 году он составлял 128,3 миллиарда рублей, то в 1950 году должен был достигнуть 177 миллиардов рублей (в ценах 1926/27 г.). Намечалось полное восстановление разрушенного жилого фонда городов и сел, новое жилищное строительство. Расходы государственного бюджета на социально-культурные мероприятия увеличивались к 1950 году более чем в два с половиной раза по сравнению с 1940 годом. Среднегодовая заработка рабочих и служащих по мере роста производительности труда и квалификации должна была к концу пятилетки превысить довоенный уровень. Предполагалось перейти от нормированного снабжения населения по карточкам к развернутой советской торговле уже в первые годы пятилетки.

Намеченная в пятилетнем плане реальная программа мирного развития Советского Союза, подъема его экономической мощи еще более повышала престиж СССР на международной арене, усиливала симпатии трудящихся масс зарубежных стран к героическому советскому народу.

По указанию Сталина были в довольно короткие сроки разработаны основные направления научно-технической политики, стратегическая цель которой состояла в том, чтобы вывести советскую науку на передовые рубежи развертывавшейся в мире научно-технической революции. «Необходимо, — указывал в феврале 1946 года ЦК партии, — заботиться о дальнейшем развитии советской науки, всемерно поддерживать людей науки, добиваться широкого распространения научных знаний в народных массах, дальнейшего расширения и улучшения подготовки научных и технических кадров. Советская наука и техника должны непрерывно двигаться вперед и идти в первых рядах мировой науки и техники».⁴

В соответствии с перспективными планами Сталина и по его указанию были намечены первоочередные задачи научно-технического прогресса: усиление его роли в восстановлении и развитии промышленности и других отраслей экономики, в совершенствовании ее отраслевой структуры, ускорении подъема производства и повышении производительности труда. В связи с этим следовало добиться более тесного взаимодействия науки, техники и производства, укрепления сотруд-

⁴ КПСС в резолюциях. Т. 6. М. 1971. С. 145—146.

ничества ученых с работниками промышленных предприятий. Громадные возможности открывало использование достижений науки и техники для внедрения в народное хозяйство прогрессивных технологических процессов, основанных на электрификации, химизации, комплексной механизации, автоматизации. Особое значение придавалось наиболее перспективным направлениям: проблемам ядерной физики, практического использования атомной энергии, создания реактивной авиации и ракетной техники, радиотехники, электроники и т. п.

Для выполнения поставленных задач намечался и осуществлялся обширный комплекс мероприятий общегосударственного значения. Увеличивались ассигнования на научно-исследовательскую работу. Сотни миллионов рублей были выделены на сооружение новых и реконструкцию существующих научных учреждений, модернизацию их оборудования. Улучшилось материальное обеспечение научно-технических работ. Расширялась сеть научно-исследовательских институтов и конструкторских организаций, развивались существующие и создавались новые академические и отраслевые научные центры, которые укреплялись квалифицированными кадрами.

Послевоенное развитие отечественной науки и техники свидетельствовало о том, что советские ученые успешно справлялись с решением крупнейших теоретических и прикладных проблем. Благодаря вниманию и заботе Центрального Комитета партии плодотворно решалась проблема использования атомной энергии. Работу в этой области координировал и направлял специально созданный правительственный орган, в состав которого входили Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин, В.А. Малышев, М.Г. Первухин, Е.П. Славский.

В условиях нараставшего противостояния с бывшими союзниками, в первую очередь с Соединенными Штатами Америки, особое значение приобрела работа над созданием ядерного оружия. Правящие круги США преследовали политические цели — продемонстрировать свою силу для устрашения свободолюбивых народов, запугать Советский Союз. В 1947 году Советское правительство заявило, что для СССР больше нет секрета атомной бомбы. В августе 1949 года в СССР было проведено испытание первой атомной бомбы. Потеряв монополию на ядерное оружие, США усилили начатые еще в 1942 году работы по созданию термоядерного оружия. 1 ноября 1952 года в США было взорвано термоядерное устройство мощностью 3 мегатонны. Термоядерный боеприпас в виде авиационной бомбы в США был испытан в 1954 году. В СССР термоядерная бомба впервые испытана 12 августа 1953 года.

К середине 50-х гг. в СССР и США были построены и приняты на вооружение носители ядерных боеприпасов различных классов и типов (в том числе ракеты), которые способны, в зависимости от предназначения, доставлять ядерные боеприпасы на различные расстояния. В 60-х гг. ядерное оружие было внедрено во все виды вооруженных сил и оказало решающее влияние на организационную структуру войск и сил флота, привело к изменению взглядов на способы ведения боя, операции и войны в целом, на применение других средств поражения. В 1960 году в СССР был создан особый вид Вооруженных Сил — Ракетные войска стратегического назначения.

Кроме СССР и США, ядерные боеприпасы были созданы и испытаны: в Великобритании 30 октября 1952 г., во Франции 13 февраля 1960 г., в Китае 16 октября 1964 г.⁵

⁵ БСЭ. Т. 30. С. 440.

Научным руководителем атомной программы являлся выдающийся ученый академик И.В. Курчатов. Сталин встречался лично с ним неоднократно. Он спрашивал его о возникавших проблемах и оказывал всю необходимую помощь и содействие по всем линиям. В организованном им крупном институте под его руководством в декабре 1946 года была осуществлена ядерная цепная реакция в первом в Европе атомном реакторе. В 1948 году был пущен первый промышленный уран-графитовый реактор. 29 августа 1949 года успешно прошло испытание атомной бомбы. Создание атомного оружия в СССР способствовало укреплению могущества и обороноспособности нашей Родины и вместе с тем означало большую победу всех миролюбивых сил, демократии и социализма в их борьбе против сил милитаризма и войны.

Учитывая достижения советской науки, по указанию Сталина ЦК ВКП(б) принял ряд мер, определивших пути развития ракетостроения. Развернули деятельность научно-исследовательские и конструкторские организации по ракетной технике, в том числе Опытно-конструкторское бюро, которое возглавил крупнейший ученый С.П. Королев, назначенный Главным конструктором по созданию комплексов автоматических управляемых ракет дальнего действия. Он сыграл выдающуюся роль в осуществлении идеи освоения космоса, решении сложных проблем ракетной и космической техники, воспитании кадров ракетостроителей. В 1948 году был совершен запуск первой отечественной управляемой ракеты дальнего действия Р-1. В следующем году была создана первая высотная геофизическая ракета В-1-А.

Крупных достижений добились авиационная наука и техника. Исследования в этой области значительно активизировались после обсуждения в Центральном Комитете партии вопроса о создании реактивных двигателей и самолетов (декабрь 1945 г.). В апреле 1946 года успешно стартовали реактивные истребители Як-15 и МиГ-9. Много внимания уделялось созданию реактивных самолетов дальнего радиуса действия. Новые типы самолетов и авиационных двигателей для гражданской и военной авиации разрабатывали конструкторские бюро, во главе которых стояли А.Н. Туполев, С.В. Ильюшин, А.С. Яковлев, О.К. Антонов, В.Я. Климов, А.И. Микоян, М.И. Гуревич, С.А. Лавочкин, А.А. Микулин, В.Н. Челомей, А.Д. Швецов, А.М. Люлька, Н.Д. Кузнецов и др. Исследованием теоретических проблем в области авиации занимались такие научно-исследовательские центры, как Центральный аэрогидродинамический институт имени

Н.Е. Жуковского (ЦАГИ), Центральный институт авиационного моторостроения (ЦИАМ), Всесоюзный научно-исследовательский институт авиационных материалов (ВИАМ) и др.

Высокими темпами росла молодая отрасль науки и техники — радиоэлектроника.

Велись исследования по конструированию электронных вычислительных машин. В принятом в апреле 1949 года постановлении Совета Министров СССР подчеркивалась необходимость внедрения вычислительной техники для исследований в области ядерной физики, реактивной техники, баллистики, электроники, газовой динамики и т. д. В 1951 году под руководством академика С.А. Лебедева в Институте электроники АН УССР была смонтирована и испытана первая советская электронная вычислительная машина.

Дальновидная стратегия Сталина определяла наиболее перспективные направления научно-технического прогресса, концентрировала здесь необходимые силы и средства. Советская научно-техническая мысль, подкрепленная практи-

кой, сделала в годы четвертой пятилетки большой шаг вперед, выходила на передовые рубежи мировой науки и техники. На основе скорейшего внедрения новейших научно-технических достижений было обеспечено дальнейшее повышение технического уровня всех отраслей социалистической промышленности.

В целом надо признать — и факты говорят в пользу этого, — во многом благодаря настойчивым указаниям и контролю со стороны генсека были определены наиболее перспективные направления научно-технического прогресса, где концентрировались необходимые силы и средства. Советская научно-техническая мысль, подкрепленная практикой, сделала в годы четвертой пятилетки большой шаг вперед, постепенно выдвигаясь на передовые рубежи мировой науки и техники.

Одной из наиболее трудных задач, вставших перед партией и советским народом, явилось восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства. В результате тяжелых последствий войны, усугубившихся засухой, валовой сбор зерновых в стране в 1946 году составил 39,6 миллиона тонн по сравнению с 47,3 миллиона тонн в 1945 году и 95,6 миллиона тонн в 1940 году.⁶ Государство оказалось помочь пострадавшим районам. В борьбе за выявление и использование ресурсов огромную работу провели партийные организации Сибири, Северного Кавказа, центральных и других районов страны.

В такой исключительно сложной обстановке Сталин усилил внимание к вопросам развития сельского хозяйства, определив главные направления деятельности в этой отрасли народного хозяйства: упрочение материально-технической базы производства, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, всемерное развертывание инициативы тружеников села, эффективное использование общественного земельного фонда и техники. Принимались меры для повышения дисциплины труда в колхозах, МТС и совхозах. Закон о четвертом пятилетнем плане требовал обеспечить охрану общественных колхозных земель и колхозной собственности, не допускать нарушений Устава сельскохозяйственной артели и колхозной демократии — выборности, отчетности правлений колхозов перед общим собранием членов сельскохозяйственной артели.

Важную роль в разработке политики партии в деревне, конкретизации путей и средств быстрейшего восстановления сельского хозяйства сыграл Пленум Центрального Комитета партии, состоявшийся в феврале 1947 года. По указанию Сталина во время его подготовки во многие области страны для изучения положения дел в колхозах, совхозах и МТС выезжали представители ЦК ВКП(б) и Министерства сельского хозяйства СССР. С докладом “О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период” на Пленуме выступил член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. Пленумом была поставлена задача повысить роль сельского хозяйства в подъеме экономики страны. “Пленум ЦК ВКП(б), — говорилось в резолюции, — придает первостепенное значение делу скорейшего восстановления и подъема сельского хозяйства, как необходимому условию успешного развития всего народного хозяйства СССР”⁷.

Сталин исходил из того, что подъем сельского хозяйства не может быть осуществлен на основе некой новой разновидности НЭПа на селе. Решение задачи восстановления и развития сельского хозяйства он увязывал с улучшением практики руководства сельским хозяйством. Поэтому особый акцент был сделан на

⁶ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический сборник. М. 1977. С. 272.

⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М. 1971. С. 259.

то, чтобы руководство сельским хозяйством было оперативным и дифференцированным, учитывая особенности сельскохозяйственного производства и сопровождалось повседневной организаторской и политической работой в массах.

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства стало подлинно всенародным делом. Одной из неотложных задач было строительство производственных зданий и жилых домов в разоренных войной совхозах, колхозах и МТС, создание нормальных условий жизни населения. На помощь пришли трудающиеся всех союзных республик. В освобожденные районы направлялись строительные материалы, семена, скот, выезжали бригады строителей и ремонтников. Сокращение Вооруженных Сил позволило высвободить для народного хозяйства машинную технику и лошадей.

Первостепенной задачей явилось снабжение деревни тракторами и сельскохозяйственными машинами. В результате напряженного труда рабочего класса уже в 1948 году выпуск тракторов на 80 процентов превысил довоенный уровень. Задания пятилетнего плана по производству тракторов и основных сельскохозяйственных машин были перевыполнены. За 1946—1950 годы промышленность поставила сельскому хозяйству 248 тысяч тракторов, 93 тысячи зерновых комбайнов, 281 тысячу грузовых автомобилей.⁸ Уровень технической оснащенности сельского хозяйства к концу пятилетки превысил довоенный. За это время было построено около тысячи МТС. Общее их число возросло до 8,4 тысячи.

Валовая продукция сельского хозяйства в 1950 году практически достигла показателей 1940 года. При этом численность тружеников села стала на 3,1 миллиона человек меньше. Выросла товарная продукция сельского хозяйства. За пятилетку поднялась урожайность всех культур. В 1950 году зерновых было собрано в 1,7 раза больше, чем в 1945 году. Валовые сборы хлопка и сахарной свеклы были выше довоенных.⁹ Поголовье продуктивного скота, резко сократившееся в годы войны, превзошло показатели 1940 года. Вместе с тем, чтобы обеспечить высокие темпы развития сельского хозяйства, необходимы были большие капитальные вложения. Такими возможностями в первые послевоенные годы Советское государство не располагало.

При реализации программы восстановления и развития сельского хозяйства Сталин неожиданно столкнулся не просто с непониманием его стратегической линии, исходившей из принципа повышения централизации управления сельским хозяйством не только в центре, но и особенно на местах. Речь шла о двух членах Политбюро — Андрееве и Хрущеве. Конечно, Андреев играл здесь второстепенную роль, а Хрущев был как бы вдохновителем новых подходов к вопросам колхозного строительства. Речь шла о предложении Андреева заменить в ряде отраслей сельского хозяйства бригады звеньями, что, безусловно, не могло импонировать вождю. По его инициативе 25 февраля 1950 г. Политбюро приняло постановление, в котором подчеркивалось, “что извращения в организации труда, допущенные в колхозах Курской области и изложенные в решении ЦК ВКП(б), имеют прямую связь с неправильными позициями т. Андреева А.А. в вопросах организации труда в колхозах. В своих выступлениях на совещаниях и в печати т. Андреев до последнего времени призывал к повсеместному закреплению зерновых культур за звеньями, ошибочно утверждая, что только при звеневой системе достигается высокая производительность труда в колхозах. Высказывания

⁸ Капитальное строительство в СССР. Статистический сборник. М. 1961. С. 174.

⁹ Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М. 1971. С. 16, 20.

т. Андреева по этому вопросу подрывают производственную бригаду, как основную форму организации труда в колхозах, и объективно направлены против применения крупной техники в зерновом хозяйстве”¹⁰.

Вынужден был каяться и Хрущев. Причем сделал он это в довольно уничижительном письме лично Сталину. Вот текст его покаяния.

“Дорогой товарищ Сталин.

Вы совершенно правильно указали на допущенные мною ошибки в опубликованном 4 марта с. г. выступлении “О строительстве и благоустройстве колхозов”.

После Ваших указаний я старался глубже продумать эти вопросы. Продумав, я понял, что все выступление в целом, в своей основе является неправильным. Опубликовав неправильное выступление, я совершил грубую ошибку и тем самым нанес ущерб партии. Этого ущерба для партии можно было не допустить, если бы я посоветовался в Центральном Комитете. Этого я не сделал, хотя имел возможность обменяться мнениями в ЦК. Это я также считаю своей грубой ошибкой.

Глубоко переживая допущенную ошибку, я думаю, как лучше ее исправить. Я решил просить Вас разрешить мне самому исправить эту ошибку. Я готов выступить в печати и раскритиковать свою статью, опубликованную 4 марта, подробно разобрать ее ошибочные положения. Если это будет мне разрешено, я постараюсь хорошо продумать эти вопросы и подготовить статью с критикой своих ошибок. Прошу до опубликования посмотреть статью в ЦК.

Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить допущенную мной грубую ошибку и тем самым, насколько это возможно, уменьшить ущерб, который я нанес партии своим неправильным выступлением.

Н. Хрущев”¹¹.

Сталин смилиостивился и не предпринял в отношении Хрущева каких-либо строгих мер, тем более что всего несколько месяцев назад по инициативе вождя сам Хрущев был переведен в Москву, был избран секретарем ЦК и первым секретарем Московского горкома и обкома. В “Правде” лишь было помещено краткое сообщение, что в газете при публикации статьи Хрущева выпало сообщение, что она печатается в дискуссионном порядке. Политическая же карьера Андреева фактически на этом закончилась, ибо вождь не прощал ошибок, идущих вразрез с его линией, а также ненужной самодеятельности в важных вопросах.

Главная линия вождя в планах улучшения положения в сельском хозяйстве и повышения производства сельскохозяйственных культур лежала в совершенно иной плоскости: он делал акцент на укрупнении колхозов, превращении их в высокопроизводительные хозяйства. В то же время в стране преобладали мелкие колхозы, не способные, по мысли Сталина, решать вопросы, стоявшие перед сельским хозяйством страны. Поэтому он стал инициатором движения за укрупнение коллективных хозяйств. По его мысли, зафиксированной в постановлении Политбюро от 2 апреля 1951г., было подчеркнуто, что в системе мер, обеспечивающих дальнейший подъем производительных сил социалистического сельского хозяйства, важное значение имеет укрупнение мелких колхозов. Рекомендация колхозникам провести укрупнение мелких колхозов, ЦК ВКП(б) исходил из необходимости создания наиболее благоприятных условий для успешного решения

¹⁰ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М. 2002. С. 332.

¹¹ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 334.

главной задачи в области сельского хозяйства. Такой главной задачей является значительное повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, быстрое увеличение общественного поголовья скота при одновременном значительном росте его продуктивности. Только при успешном решении этой главной задачи мы добьемся того, что в нашей стране будет обилие продовольствия, легкая промышленность будет в полной мере обеспечена сырьем (хлопок, лен и т. п.), будут накоплены достаточные государственные продовольственные и сырьевые резервы, все наши колхозы станут зажиточными и колхозники заживут богато.

Многолетний опыт колхозного строительства показал, что наиболее успешно развивают общественное хозяйство крупные колхозы, имеющие значительные преимущества перед мелкими колхозами. В крупных колхозах на больших массивах земель гораздо производительнее используются тракторы, комбайны и другие сложные сельскохозяйственные машины, равно как колхозные средства производства. Крупные колхозы имеют возможность вести развитое многоотраслевое хозяйство, основанное на правильных полевых и кормовых севооборотах и передовой агротехнике, и получать более высокие урожаи сельскохозяйственных культур.¹²

Основную ошибку своих невидимых оппонентов вождь усматривал в том, что они забывают о главных, производственных задачах колхозов и выдвигают на первый план производные от них потребительские задачи, задачи бытового устройства в колхозах, жилищного строительства в деревне. Бытовые задачи имеют, несомненно, важное значение, но являются все же производными, подчиненными, а не главными. Забвение или умаление главных производственных задач может повести всю нашу практическую работу в деревне по неправильному пути, затруднить дальнейший подъем колхозов и причинить тем самым серьезный вред колхозному строю.

Исходя из неправильного, потребительского подхода к вопросам колхозного строительства, часть наших партийных и советских работников в связи с укрупнением мелких колхозов ошибочно предлагает форсированно осуществить массовое селение деревень в крупные колхозные поселки, пустить все старые колхозные постройки и дома колхозников на слом и, не считаясь с последствиями торопливого селения деревень и сел, создать на новых местах крупные "колхозные поселки", "колхозные города", "агрогорода", рассматривая это как важнейшую задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Такая постановка вопроса является в корне неправильной. Если бы эта ошибочная установка в вопросах колхозного строительства получила права гражданства, она неизбежно привела бы к замедлению темпов расширенного воспроизводства в колхозах, к отвлечению сил и средств колхозов и советского государства от решения основных задач дальнейшего подъема сельского хозяйства.¹³

Из приведенных выше установок вполне отчетливо явствует, что Сталин отодвигал на второй план вопросы так называемого потребительского характера. Складывалось такое впечатление, что рост производства становился чуть не самоцелью, тогда как в действительности смысл роста производства как раз и состоит в удовлетворении потребностей населения. Здесь вождь, исходя их абстрактно-догматических постулатов, которые он проповедовал и раньше, как бы

¹² Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 335.

¹³ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 336.

поставил телегу впереди лошади. Конечно, наивно было бы думать, будто он не понимал, в чем заключается основной смысл производства. Но он все же явно нарушал необходимые, диктуемые реальностями жизни, пропорции между производством и потреблением. Вообще, надо оттенить именно эту особенность его подхода к вопросам экономики, ибо она проявляла себя не только в сельскохозяйственной политике, но и в сфере экономики вообще.

Однако из сказанного не вытекает, будто Stalin вообще не заботился о росте потребления и улучшении жизни населения. Как известно, еще в своей предвыборной речи в 1946 году он обещал народу в ближайшее время отменить карточную систему. Постигшее страну стихийное бедствие — засуха 1946 года — вынудило отложить на год отмену карточной системы. Постановление о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР приняли в декабре 1947 года. Полностью упразднялась карточная система распределения промышленных товаров и продуктов питания. В обращение были выпущены новые денежные знаки. Одновременно были введены единые цены на продовольственные и промышленные товары. Заработка плата, оплата по трудодням, пенсии и стипендии сохранились в прежних размерах.

Одним из источников роста реальных доходов трудящихся было снижение цен. За годы пятилетки оно проводилось трижды, в результате чего к марта 1950 года государственные цены уменьшились на 43 процента. Отмена карточек, денежная реформа, единые государственные цены, их снижение привели к соответствующему изменению цен и на колхозном рынке.

Другим источником улучшения материального положения трудящихся явился рост заработной платы рабочих и служащих и доходов крестьян как от общественного, так и от личного хозяйства. Реальные доходы в расчете на душу населения в 1950 году по сравнению с 1940 годом были на 34 процента больше.

В целом завершение пятилетки ознаменовалось значительным перевыполнением плановых заданий по восстановлению и строительству жилого фонда в городах и рабочих поселках, введением в строй 102,8 миллиона квадратных метров общей жилой площади (по пятилетнему плану — 84,4 миллиона). В сельских местностях было построено 2,7 миллиона домов. Несмотря на такие большие успехи, население многих городов, рабочих поселков и сел продолжало еще испытывать нужду в благоустроенных жилищах. Решить эту сложную проблему за одно пятилетие было невозможно. Для этого требовался более длительный срок.

Подводя некоторый итог рассматриваемой темы, следует констатировать следующее. Главным результатом самоотверженного труда народа было восстановление основных отраслей народного хозяйства — промышленности, сельского хозяйства, строительной индустрии, транспорта и связи. На основе анализа объективных условий Stalin и партийное руководство в целом правильно определили ведущие направления развития социалистической экономики, ликвидации образовавшихся во время войны диспропорций. К 1950 году народное хозяйство СССР не только достигло довоенного уровня, но и сделала новый шаг в своем развитии: значительно увеличился совокупный общественный продукт, усилилась концентрация производства, углубились его кооперация и специализация, возрос объем энергетических ресурсов и технический уровень орудий труда, осуществлены важные меры по развитию оборононой индустрии.

Значительные успехи были достигнуты в промышленности. Установленное пятилетним планом задание на 1950 год по объему промышленной продукции перевыполнено на 17 процентов. На основе внедрения новейших достижений современной техники обеспечено дальнейшее повышение технического уровня всех отраслей социалистической промышленности.

С конца 40-х – начала 50-х годов в стране начала осуществляться грандиозная (даже слишком грандиозная!) программа преобразования природы и осуществления амбициозных планов великих сталинских строек. Наряду с насущными и чрезвычайно важными проектами (например, сооружение Волго-Донского канала, ряда лесозащитных полос, возведения в Москве знаменитых сталинских высоток и т.д.) задумывались и проекты явно несуразные в своей основе: создание искусственного моря в Западной Сибири, строительство плотины в районе Тихого океана, чтобы отвести холодные течения от берегов Сибири, и ряд других. Жизнь сама показала бесперспективность, а то и бессмысленность такого рода проектов. Но здесь важно подчеркнуть одну мысль – наряду с действительно нужными мерами в сфере экономического развития страны Сталиным или по его указанию принимались и явно непродуманные, выражаясь современным стилем, волюнтаристские решения.

Положительно оценивая итоги четвертой пятилетки, Сталин наряду с достижениями видел непреодоленные до конца послевоенные трудности, недостатки в деятельности плановых органов, ведомств и предприятий. Особое беспокойство вызывало у него состояние сельскохозяйственного производства. В промышленности не всегда соблюдалась плановая дисциплина. Не удалось полностью преодолеть дефицит электроэнергии, металла, высокопроизводительной техники. Большой оставалась текучесть рабочей силы. Недостаточно эффективно действовал ряд научно-исследовательских институтов и проектных организаций. Словом, практика внесла определенные корректизы в его амбициозный план форсированного развития экономики страны. Хотя это обстоятельство ни в коей мере не преуменьшает экономических достижений страны в послевоенный период. Всего за 5–7 лет страна вновь встала на ноги и превратилась в одно из сильнейших в экономическом плане государств мира. И это несмотря на все разрушения, причиненные невиданной в ее истории войной.

Выполнение программы восстановления и дальнейшего подъема экономики страны имело важный международный аспект. Этому аспекту Сталин придавал первостепенное значение, поскольку в мире стали сгущаться грозовые тучи и обстановка не переставала накаляться. Выполнение четвертого пятилетнего плана означало упрочение позиций Советского Союза на мировой арене, расширение его возможностей для оказания поддержки восточноевропейским странам, вступившим на путь социализма. Итоги пятилетки благоприятствовали активным действиям, направленным на защиту государственных интересов, укрепление международных позиций и престижа Советской России. Stalin однозначно исходил из тезиса, согласно которому с окончанием войны решающим участком противоборства двух противоположных общественных систем вновь стала экономика. В западных странах многие всерьез сомневались в реальности осуществления сталинских планов восстановления и развития экономики России после столь разрушительной войны. Надежды на то, что Советский Союз не сумеет самостоятельно преодолеть трудности восстановления народного хозяйства, достаточно ясно выразил орган английских деловых кругов “Уорлд ревью”. Весной

1946 года в одной из статей, помещенных в журнале, утверждалось, что Советский Союз “не в состоянии осуществить свой новый пятилетний план одними лишь собственными средствами”.¹⁴ Многие политики и идеологи западного мира пытались представить дело так, будто у СССР имеется только один выход — получение крупного американского займа. Советский Союз разрушил эти расчеты. Несмотря на причиненный народному хозяйству СССР огромный ущерб, система хозяйства, создателем которой являлся Сталин, еще раз доказала свои преимущества. Советский Союз занял одно из первых мест в мире по темпам роста промышленной продукции. Возобновился процесс повышения его доли в мировом производстве.

Многие западные специалисты по советской истории, анализируя трудности и успехи в экономическом развитии страны в первые послевоенные годы, неизменно делают акцент на том, что проблем и провалов в этой области было значительно больше, чем достижений. Они утверждают, впрочем, не без некоторых оснований, что Сталин ориентировал страну на развитие в соответствии с теми моделями, которые были опробованы в 20-е и 30-е годы. При этом из поля зрения начисто выпадает обстоятельство первостепенной важности — многие регионы страны лежали в развалинах и на их восстановление нужны были колоссальные материальные и людские ресурсы. Именно эта задача и предопределяла в силу естественной необходимости ориентацию на развитие ведущих отраслей промышленности. Как это было в первые советские пятилетки. В этом ключе можно допустить подобного рода сопоставление. Что же касается существа, главной стратегической линии в экономической области, то она не могла в силу естественных причин быть повторением опыта прошлого: реальная обстановка и жизнь были совершенно иными, чтобы можно было оперировать полезным в свое время, но уже кое в чем исчерпавшим себя опытом стратегии экономического развития.

Дж. Бoffa пишет, например: “Решающим фактором стала политика массированных капиталовложений государства в экономику: их объем превзошел даже тот гигантский поток инвестиций, который был направлен в народное хозяйство в 30-е гг. Для получения столь поразительных результатов сталинское правительство, однако, установило такие критерии и ориентиры в процессе восстановления, которые неизбежно приводили к деформации и диспропорциям. Продолжение развития по довоенным схемам... означало прежде всего возобновление линии на индустриализацию. Она была ещё далеко не завершена к тому моменту, когда страна подверглась гитлеровскому нападению. Следовательно, основным направлением развития снова становилось форсирование роста тяжелой промышленности за счет и в ущерб развития производства потребительских товаров и сельского хозяйства; такой же была сталинская политика в период перед войной. В еще более радикальной форме эта линия проводилась в жизнь после победы”¹⁵.

Читая такого рода строки, невольно начинаешь думать, что их автор как бы абстрагируется от реальностей тех лет. Кроме того, он без всяких оснований игнорирует сложившуюся к тому времени международную ситуацию, чего, естественно, не мог себе позволить сделать Сталин. И, на мой взгляд, неправомерно вести речь о возврате к прежней экономической политике, проводившейся пе-

¹⁴ “The World Review”. April 1946. p. 15.

¹⁵ Джузеппе Бoffa. История Советского Союза. Т. 2. С. 308–309.

редвойной на протяжении полутора десятков лет. Условия коренным образом изменились, и этого игнорировать не мог даже всемогущий диктатор, каким слынет среди них Сталин.

Французский историк Н. Верт также придерживается примерно такой же схемы. Но эту схему он дополняет довольно любопытным, но, на мой взгляд, поверхностным и лишенным реальной базы тезисом. Согласно этому тезису в советском руководстве шла жесткая борьба по вопросу о том, проводить ли радикальные реформы либерального направления или же ориентироваться на сталинские установки в сфере стратегии экономического развития государства. В качестве аргумента он приводит изложенную выше историю с Хрущевым и Андреевым, которая якобы и является свидетельством внутренней борьбы в руководстве, в частности по вопросам создания агрогородов и фактического превращения, таким образом, крестьян в своего рода рабочих, следствием чего являлось уничтожение крестьянинка как такового.¹⁶ Возврат к модели развития 30-х годов вызвал значительные экономические потрясения — вот его вердикт.

Мало чем отличаются и умозаключения на этот счет другого западного автора — английского профессора Джейфри Хоскинга, книга которого, как и упомянутого выше Н. Верта, в начале и середине 90-х годов была рекомендована в качестве учебника для российских школ и вузов. (В скобках могу заметить, что чем большим духом неприязни и даже ненависти к Советской России проникнуты были западные издания, тем более охотно они навязывались нам для соответствующей обработки молодого поколения.) Но возвратимся к высказыванию Хоскинга. Его фундаментальный вывод сформулирован лаконично: “Таким образом, та модель, которая была избрана для послевоенного возрождения экономики, отбрасывала страну к тридцатым годам, и это несмотря на то, что слабые стороны экономики войны выявила полностью”¹⁷.

Не стану вступать в полемику с этими авторами уже хотя бы той причине, что, как было показано в предшествующих главах, именно благодаря интенсивному и эффективному развитию советской экономики в предвоенный период был заложен прочный фундамент нашей победы в войне. Конечно, в развитии отдельных ее отраслей, как и всей экономической системы, были свои минусы и недостатки. Однако неоспоримым фактом остается то, что победителем из войны вышла именно наша держава, и отнюдь не благодаря помощи союзников, как стремятся доказать некоторые слишком уж “объективные” специалисты по Советскому Союзу. Читая их, поражаешься не тому, что они излагают исторические события предвзято, положив в основу своих выводов заранее выработанные антисоветские, а подчас и явно антирусские концепции. Поражаешься другому — как много еще легковерных людей, которым “пудрят мозги” посредством не столько с помощью самих фактов, а посредством их произвольного подбора и интерпретации. На первый взгляд, вроде факты в самом деле реальные, но из этих фактов комбинируются такие хитросплетения и выводы, что от исторической истины ничего не остается.

От западных истолкователей советской истории не отстают и российские либеральные историки и публицисты. Применительно к рассматриваемому периоду они утверждают, что в обществе с нетерпением ожидали, например, роспуска колхозов и принятия других не менее радикальных мер. К примеру, авто-

¹⁶ Н. Верт. История Советского государства. М. 1995. С. 333—334, 337.

¹⁷ Джейфри Хоскинг. История Советского Союза 1917—1991. М. 1994. С. 312.

ры сборника статей по советской истории пишут: "В народе ходили слухи о роспуске колхозов, о предстоящем самороспуске компартии, о близкой войне с бывшими союзниками... За подобными слухами и разговорами важно видеть не только всплеск эмоций, но и реальное положение вещей. Недовольство вырастало не на голой почве, а из жизненных процессов, порожденных неразрешенным противоречием между ожиданиями людей, с одной стороны, и темпами реализации этих ожиданий — с другой. В первые два-три послевоенных года не были осуществлены не только наиболее радикальные и спорные из них (как, например, роспуск колхозов), но и совершенно очевидные и непрятательные. Условия и уровень жизни основной массы населения оставался по сути военным"¹⁸.

Условия жизни в первые послевоенные годы, особенно в 1946 и 1947 годах были чрезвычайно тяжелыми. Об этом свидетельствуют не только сухие статистические данные, но и письма, которые некоторые отчаявшиеся граждане отправляли в вышестоящие партийные и государственные органы, в том числе и лично Сталину. Последнему, правда, анонимные письма. Отрывок из одного такого письма я приведу:

"Весь народ горит желанием узнать причину его бедствий и может ли народ рассчитывать на улучшение в материальном обеспечении, народ желает знать знает ли вы действительное положение население в каком живет народ? народ желает что бы Вы выслали личного — надежного представителя в народ, который мог бы Вам обрисовать действительное положение, а Вы бы подумали какую нужно сделать поправку в ведение с\хозяйства, ибо эта система не обеспечует с\хоз продуктами в надлежащем количестве и качестве, в колхозах половина и более пропадает готовой продукции, потому, что колхозники так рассуждают и так получается наяву хоть сколько работай все ровно голодный будешь"¹⁹.

Конечно, это письмо, полученное с Алтая, рисует безотрадную картину положения в сельском хозяйстве. Но было бы ошибочно думать, что ситуация в других регионах страны была в те годы намного лучше. Люди в своих письмах вскрывали недостатки и пороки в деятельности властей, однако враждебных советскому строю настроений, как правило, не выражали. Более того, в связи с тем, что с конца 1945 года Stalin на несколько месяцев уехал отдыхать на Юг, в район Сочи, его публичное отсутствие стало вызывать тревогу и порождать всякого рода слухи. Отражением таких беспокойных настроений может служить письмо лично Сталину одного жителя Ленинграда в декабре 1946 года. В своем письме он, в частности, затронул, видимо, чрезвычайно острую и актуальную для вождя проблему обеспечения преемственности власти. Что такая проблема являлась назревшей и злободневной, едва ли нужно доказывать.

В своем письме автор — что он поддерживает политику Сталина, явствует из содержания его письма — задает вождю ряд важных вопросов:

"Сейчас, когда Вы ушли на несколько дней, видимо, отдыхать, весь народ спрашивает друг у друга: "Где Stalin?"; "Почему Stalin не был на торжественном заседании, посвященном 29-й годовщине Великого Октября?"; "Почему не Stalin подписал приказ 7 ноября с.г.?"; "Почему Булганин подписывает второй приказ, а где же Stalin?". И кто как вздумает, так и отвечает. Одни говорят, что уехал в Америку, другие — отдыхает, а третьи, что, наверное, болен и т. д.

¹⁸ Наше отчество. Опыт политической истории. Т. 2. М. 1991. С. 436.

¹⁹ Советская жизнь 1945—1953. М. 2003. С. 234.

А ЧТО ЖЕ БУДЕТ, ЕСЛИ ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕОЖИДАННО ОСТАВИТЕ НАС СОВСЕМ?! Тогда, видимо, снова найдутся такие подлецы вроде Троцкого, Бухарина, Рыкова и им подобные, трижды проклятые и презренные народом сволочи. Найдутся, видимо, такие “обиженные” и среди военных. Снова может быть борьба и ненужные жертвы.

Как было бы желательно знать уже теперь:

1. Кто является Вашим ближайшим соратником?
2. Кто явится Вашим преемником?
3. Кто станет во главе ЦК нашей партии?
4. Кто станет во главе нашей великой непобедимой Советской Армии?

Вы находите, что сейчас об этом открыто говорить нельзя, то крайне желательно уже сейчас вести соответствующую подготовку в закрытом партийном порядке, а наша советская печать (максимально) популяризировать жизнь и деятельность руководителей нашей партии, правительства и армии, особенно будущих Ваших преемников...

Под Вашим руководством наша партия успешно преодолела и преодолевает все трудности военного периода и теперь периода мирного строительства. Но трудностей впереди еще много. Главные трудности внешнеполитического порядка, которые прямо зависят от наших внутренних хозяйственных успехов и военного могущества нашей страны.

Весь советский народ твердо уверен в том, что наша великая коммунистическая партия (большевиков) – партия Ленина–Сталина, во главе своего ЦК, под Вашим руководством успешно преодолеет все трудности, и коммунистическое общество в СССР будет построено”²⁰.

Приведенные выше примеры – не более чем примеры. Они способны отразить и отражают лишь отдельные стороны жизни, настроения и чувств отдельных людей или группы лиц. Но ознакомление с тщательно подобранными материалами, помещенными в книге, на которую я ссылаюсь, не дают оснований для выводов о том, будто в стране в те времена доминировала антисоветская атмосфера и люди ждали чуть ли не смены общественного строя, в частности ликвидации колхозной системы.

Что же касается вопроса о преемнике вождя, то в дальнейшем я остановлюсь на нем более или менее подробно. Здесь же хочется сделать одну небольшую, но существенную ремарку: Сталин, как все люди диктаторского склада, не думал о своих преемниках. Ведь формально он не имел права в силу существовавших партийных и государственных норм назначать или определять своего преемника. Но это лишь формальная сторона вопроса. Проблема передачи власти тому, кто способен продолжить намеченный тобой курс, – актуальная для всех режимов, в том числе и для псевдodemократических. Была она весьма актуальна и для Сталина в первые и последующие послевоенные годы. Однако на сколько-нибудь серьезный уровень он ее не поднимал, видимо, исходя из разных соображений. Во-первых, такое назначение неизбежно спровоцировало бы борьбу за влияние на Стalinia его ближайших соратников, которая и так проходила без всяких перерывов и пауз. Во-вторых, такое назначение могло каким-то образом создать реальную или потенциальную угрозу безграничной власти самого вождя. В-третьих, он, очевидно, хорошо усвоил бессмысленную затею Ленина заранее определить расстановку сил в высшем руководстве до своей кончины. Как было пока-

²⁰ Советская жизнь 1945–1953. С. 473–474.

зано во втором томе, история с ленинским завещанием лишь стала мощным стимулом для активизации борьбы между его вероятными наследниками.

Может быть, поэтому диктаторы, как правило, не определяют своих преемников. Хотя, конечно, в то или иное время они отдают предпочтение и выделяют среди других отельных представителей руководящего ядра. Но проходит время, и симпатии изменяются. Так что преемственность власти – дело исключительно важное и сложное. И надо прямо сказать, что Сталин не только недооценил важности этой проблемы, но и не сумел сколько-нибудь глубоко разобраться в своих соратниках. Будущее показало отсутствие у него по-настоящему глубокого знания и понимания тех лиц, которые составляли так называемое руководящее ядро.

Но я несколько отошел в сторону от главной нити своего изложения – восстановления экономики страны и настроений, проявлявшихся тогда в обществе.

Не знаю, какие еще слухи витали тогда в обществе, но наверняка основная масса населения отнюдь не была обуяна столь фантастическими надеждами. Если бросить ретроспективный взгляд на современную Россию, то приходится констатировать, что фактический роспуск колхозов в 90-е годы имел катастрофические последствия. Многие сельские районы дошли до стадии полной деградации, сильно упало производство почти всех сельскохозяйственных продуктов, в жалком состоянии находится животноводство. А сама страна вынуждена удовлетворять многие свои потребности в продуктах питания за счет импорта. Разве это не ответ на досужие рассуждения, будто ликвидация кооперации на селе чуть ли не по мановению волшебной палочки приведет к быстрому и бурному росту производства? На деле все это оказалось фикцией.

Если мы перенесемся в те годы, о которых идет речь, то трудно даже представить, какими последствиями все это могло обернуться для страны и ее развития. Так что голыми рассуждениями поборники либеральных реформ в наше время мало кого в состоянии убедить: в их утверждениях много безапелляционности и мало убедительности.

Важной составной частью экономической политики Сталина в первый послевоенный период было осуществление коллективизации в новых республиках и на территориях, вошедших в состав Союза. Процесс преобразования сельского хозяйства в этих республиках и областях состоял из двух этапов: подготовки сплошной коллективизации и ее осуществления. При этом подготовка коллективизации проходила одновременно с восстановлением промышленности.

Подготовка массового колхозного движения осуществлялась в обстановке острой классовой борьбы. Кулачество, буржуазные националисты и другие враждебные элементы, поощряемые эмигрантскими буржуазно-националистическими центрами, создавали вооруженные банды для борьбы против Советской власти и колхозного строительства. Они убивали партийных, советских, комсомольских работников и колхозных активистов, совершали поджоги, диверсии и грабежи. На борьбу против них поднялись довольно широкие массы населения. Хотя, конечно, не они, а репрессивные органы сыграли главную роль в подавлении сопротивления националистических элементов, а зачастую – и просто недовольных граждан.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства в новых районах к концу четвертой пятилетки было в основном завершено. В Литве к 1951 году в колхозы объединилось 89 процентов крестьянских хозяйств, в Латвии – 96, в Эстонии – 93, в западных областях Белоруссии – 83,7, в правобережных районах

Молдавии – 97 процентов, в западных областях Украины к июлю 1950 года – 98 процентов.²¹

Многие исследователи подчеркивают, что процесс коллективизации во вновь присоединенных территориях проходил при упорном сопротивлении сельского населения. Так, к примеру, Бoffa пишет, что начиная с 1948 года, под звуки труб и гром литавр была начата кампания по коллективизации в новых районах СССР, которые он приобрел в ходе войны: в Прибалтийских республиках, в Западной Белоруссии, Западной Украине, Молдавии. Коллективизация в основном была завершена в течение двух лет, в 1948–1949 гг., несмотря на то что крестьяне жили на этих территориях, особенно в Эстонии и Латвии, разрозненно, по изолированным хуторам. Сопротивление было уже сломлено в предшествующие годы. Коллективизация совпала с последней вспышкой повстанческой войны. Хотя теперь коллективизацию характеризуют как добровольную, на самом деле решение о ней было принято наверху: учитывая положение в стране в целом, было просто невозможно сохранить на западной ее периферии такой способ сельскохозяйственного производства, который бы основывался на частной собственности, и более или менее свободные рыночные отношения.²²

Не кривя душой, следует признать, что сопротивление коллективизации было достаточно серьезным. В Западной Украине, например, на этой – и не только на этой – базе широко развернулась борьба против Советской власти различных банд, известных под собирательным понятием бандеровцы. На их ликвидацию было затрачено немало сил и средств, но в конце концов их сопротивление было сломлено. Многие из них были репрессированы, отправлены в тюрьмы и лагеря. Но остановить процесс коллективизации – в этом Сталин был убежден абсолютно твердо – было, конечно, невозможно.

Надо отметить, что Сталин регулярно через органы безопасности получал достоверную информацию о репрессивных мерах, осуществлявшихся по отношению к тем, кто противился установлению и утверждению советского общественного строя. Из новых советских республик систематически поступали известия о протестах и актах бойкота или саботажа при обобществлении хозяйств и других радикальных мер. Но вождь, как показывают факты, не придавал этому слишком серьезного значения. Тем более, что в сопоставлении с репрессивными мерами 30-х годов нынешние акции носили сравнительно неширокий и в общем довольно умеренный характер, что, впрочем, никак не говорило в пользу того, что Сталин отказался от репрессий как одного из методов достижения поставленных целей и задач. Но какими бы ограниченными (в сравнении с чем?) не были эти меры, они накладывали на жизнь общества свою неизгладимую печать.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что Сталин проявил железную твердость и настойчивость в решении чрезвычайно сложной задачи – скорейшего восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны. Ему, разумеется, можно с большой долей обоснованности поставить в вину суровость и жесткость методов, которые использовались для решения поставленных задач. С высоты настоящего подобный упрек кажется справедливым. Однако, чтобы оценки и выводы не противоречили логике исторического процесса, необходимо обязательно не упускать из поля внимания сложную и тяжелую обстановку тех лет. Ни одна из стран мира не понесла такого урона в ходе войны, как Советская Россия. И ни одна из них не решила задач восстановления и развития экономики в столь короткие сроки и столь быстрыми темпами.

²¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга вторая. С. 193.

²² Джузеппе Бoffa. История Советского Союза. Т. 2. С. 316.

2. “Холодная война”: не броская метафора, а жестокая реальность

В послевоенный период внимание и энергия Сталина концентрировались не только на проблемах восстановления форсированного развития экономики страны. Все большее место в его политической деятельности занимали вопросы внешней политики и международных отношений. И хотя война закончилась, в мире не наступило благоволие и спокойствие, народы не освободились от страха повторения ужасов войны. И эти страхи и опасения имели под собой реальные основания. Мир развивался совсем не в том направлении, которое определялось совместными решениями союзников по коалиции.

Если говорить коротко и несколько упрощенно, то партнерство союзников держалось на одном – победить гитлеровскую Германию и милитаристскую Японию. Это и составляло базу для совпадения их жизненно важных интересов, о которых во время войны так настойчиво и часто говорил советский лидер. Но он, конечно, отдавал себе отчет в том, что это совпадение сойдет на нет, как только будут повержены противники. Нет оснований считать, что Stalin питал здесь какие-либо иллюзии: для этого он был слишком большим реалистом и, не побоявшись использовать это понятие, большим прагматиком. Весь его политический опыт однозначно свидетельствовал о том, что войну неизбежно сменит противостояние, заложенное не только в различиях в общественном укладе, но и в серьезных разногласиях по коренным проблемам послевоенного урегулирования.

Если определять коротко, то коренные цели советской внешней политики после войны не только не изменились, но стали еще более широкими, и я бы даже сказал, глобальными. Речь прежде всего шла о том, чтобы закрепить плоды победы как в территориальном плане, что играло первостепенную роль, так и международно-политическом отношении. Ведь не напрасно было пролито столько крови советских людей, и они понесли колоссальные жертвы, чтобы возвратиться к предвоенному *status quo*. Восстановление России в границах бывшей царской империи было не проявлением каких-то территориальных экспансионистских амбиций Сталина или порождением его стремления расширить границы коммунистического мира. Оно являлось стремлением восстановить историческую справедливость, нарушенную в условиях слабости Советской России после первой мировой войны и Гражданской войны в стране. Теперь ситуация радикальным образом изменилась, и Советский Союз взял твердый курс на закрепление и полное узаконение достигнутых результатов. Именно в этом западные державы усматривали источники нараставшей конфронтации, которая в конце концов с легкой руки, как считают, американского журналиста У. Липпмана, получила емкое название “холодной войны”.

Сказанное выше отнюдь нельзя расценивать в качестве доказательства того, что именно Советская Россия явилась источником новой разновидности войны. Скорее, наоборот. Именно западные державы, в первую очередь США, пришли к выводу, что, наконец-то у них появились реальные возможности установить свою гегемонию в мире, используя для этого благоприятные для них условия, прежде всего наличие атомного оружия и колоссальную экономическую мощь. Для достижения своих целей они использовали все имевшиеся возможности и приемы, постоянно, по мере развития событий, дополняя их новыми средствами.

Вполне справедливо видный советский историк и дипломат Ю.А. Квицинский в интервью по поводу 60-й годовщины начала этой пресловутой войны гово-

рил, что американцы любят говорить, будто тогдашний президент Трумэн некоторое время после завершения Второй мировой войны колебался, уговаривал Сталина продолжать сотрудничество, а тот, мол, этого не хотел и не понимал добрых дружественных намерений США. В результате такой узости мышления и “невоспитанности” Сталина... дескать, и произошла “холодная война”.

Уже в послании американского президента Трумэна Конгрессу 19 декабря 1945 г. говорилось “о бремени постоянной ответственности за руководство миром”, которое легло на США, о необходимости “доказать, что США полны решимости сохранить свою роль руководителя всех наций”. А в следующем послании в январе 1946 года Трумэн призывал США использовать силу и положить её в основу отношений с другими нациями. Ясно, что такая заявка на руководство всем миром, всеми нациями и применение в случае необходимости силы для его осуществления не могла не сталкивать США и СССР. Мы ведь вышли бесспорными победителями из Второй мировой войны, стали действительно великой державой, а нам предлагалось подчиниться чужой воле. При этом в американских газетах писалось, что если в свое время Рим был центром мира, то в XX веке Вашингтон будет таким центром в ещё большей степени, чем Рим. Впрочем, американская политика в этом отношении никогда не отличалась особой изобретательностью и гибкостью.²³

Американские политологи потратили немало усилий на то, чтобы доказать, что органически присущий советской системе и коммунизму вообще экспансионизм являлся якобы изначальным истоком и первопричиной начала “холодной войны”.²⁴ Небезызвестный Зб. Бжезинский писал в связи тем, какие цели преследовал Сталин и какие методы он использовал при ведении “холодной войны”: “Холодная война” велась не только против западных и некоммунистических стран всюду, но также и против некоммунистических идей в Советском Союзе. И это было сущностью единой в своей основе кампании, необходимой, как полагал Сталин, для его выживания.

Поведение Сталина на этой первой стадии “холодной войны” имело некоторые особенности. Оно временами тщательно подготавливалось, хотя это иногда носило беспорядочный характер. Его проявления были всегда агрессивны и приводили к критическим ситуациям, но после того, как опасность обнажала себя полностью, запоздалое благоразумие сдерживало Сталина от того, чтобы переступить порог пропасти. Его чувство реализма, хотя и подверженное колебаниям, было все же довольно адекватным. Он продолжил внимательно следить за всеми возможностями, вкладывая очень многое в политические кампании, нацеленные на дезориентацию западной общественности²⁵.

Рискуя несколько переборщить по части цитирования и анализа западных концепций происхождения и самого хода “холодной войны”, я тем не менее позволю себе сослаться еще и на Дж. Кеннана, который, как известно, стоял у истоков этой войны. Именно он сформулировал концептуальные подходы к политике, на которую должны ориентироваться США в отношении Советской России.

Дж. Кеннан, работавший тогда в посольстве США в Москве, отправил 22 февраля 1946 г. в госдепартамент длинную телеграмму, в которой, как потом было признано практически всеми исследователями, детально сформулировал

²³ См. “Советская Россия” 13 марта 2007 г.

²⁴ Robert Conquest. Stalin. p. 278.

²⁵ Robert Conquest. Stalin. p. 281.

целостную программу краткосрочных, а главное, стратегических долгосрочных мер, призванных лечь в основу жесткой политики по отношению к Советской России. В данном случае он как бы опередил У. Черчилля в призывае резко и по всем направлениям ужесточить линию в советско-американских отношениях и общий мировой курс США. Не стану излагать все рекомендации американского дипломата. Квинтэссенция их сводилась к следующему:

“Мировой коммунизм походит на злостного паразита, который кормится только на больных тканях... Мы должны формулировать и выдвигать для других наций гораздо более положительную и конструктивную картину вида мира, чем та, которую мы хотели бы видеть и которую мы выдвигали в прошлом. Недостаточно того, чтобы торопить людей развивать политические процессы, подобные нашим собственным. Много иностранных народов, в Европе по крайней мере, утомлены и напуганы опытом прошлого, и меньше заинтересованы в абстрактной свободе, чем в безопасности. Они ищут руководство скорее, чем обязанности. Мы должны быть более способными, чем русские, чтобы дать им это. И если мы этого не сделаем, русские, конечно, сделают это. Наконец, мы должны иметь храбрость и уверенность в себе, чтобы цепляться за наши собственные методы и концепции человеческого общества. В конце концов, самая большая опасность, которая может случаться с нами в разрешении проблемы советского коммунизма, состоит в том, что мы позволим нам стать подобно тем, против кого мы боремся”²⁶.

Надо сказать, его меморандум вполне справедливо до сих пор считается чуть ли не красногольной идеологической основой этой политики. В дальнейшем, уже в конце 50-х – начале 60-х годов, Дж. Кеннан подверг определенной корректировке свои взгляды на отношения с Россией. Он, несомненно, сделал надлежащие выводы из уроков кризисов, которые пережил мир из-за жесткого противостояния двух систем. Как говорится, он сопоставил позитивные и негативные результаты противоборства и сумел заглянуть за горизонт событий, чтобы увидеть, к чему способна привести бескомпромиссная “холодная война”.

Дж. Кеннан, несмотря на свое резко негативное отношение к коммунизму как идеологии и государственной системе, тем не менее предлагал не вводить антагонизм в самодовлеющий принцип, что может завести слишком далеко. Он подчеркивал, что “определенная степень антагонизма существует во всех системах международных отношений, вследствие чего всегда и везде необходима некоторая мера компромисса, поскольку политические общества должны жить вместе на той же самой планете”²⁷.

Формально прародителем “холодной войны” не без веских на то оснований считают У. Черчилля, связывая это с его печально знаменитой речью 5 марта 1946 г. в американском городе Фултон. Там он в присутствии Трумэна изложил основные постулаты своей программы борьбы против Советского Союза и практически объявил о том, что наступил в истории послевоенного развития период “холодной войны”. Прежде всего он призвал к укреплению союза так называемых свободных народов, т. е. к образованию военно-политического и экономического блока во главе с Соединенными Штатами Америки. Он пел дифирамбы в адрес Вашингтона и подчеркивал, что без их руководства мир окажется в смертельной опасности. Но лейтмотив его выступления состоял в ином – он обрушился на

²⁶ Полный текст телеграммы см. *Foreign relations of the United States, 1946*, vol. VI. 1969. Pp. 696–709.

²⁷ George F. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston – Toronto 1961. P. 259.

Советский Союз и его политику. При этом, правда, сделал несколько лицемерных реверансов в адрес России и Сталина лично. Но это была продуманная дипломатическая уловка.

Суть же своих взглядов он сформулировал следующим образом:

“Лучше предупреждать болезнь, чем лечить ее.

На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии — я не сомневаюсь, что и здесь тоже, — питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики. Однако я считаю своим долгом изложить вам некоторые факты — уверен, что вы желаете, чтобы я изложил вам факты такими, какими они мне представляются, о нынешнем положении в Европе. От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы. ...Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии”²⁸.

Нельзя сказать, что речь Черчилля явилась чем-то неожиданным и была подобна грому с ясного неба. Сталин, да и многие демократически мыслящие люди в мире, чувствовали и понимали, что приближается принципиально новый, причем кардинальный поворот в политике западных держав. Вся логика развития международных отношений в тот период свидетельствовала в пользу такого умозаключения.

Сталин ответил незамедлительно, и ответил резко и решительно, отбросив все покровы дипломатической этики. Я воспроизведу основные положения интервью, данного Сталиным корреспонденту “Правды” в связи с речью Черчилля. Что надо было реагировать немедленно, советскому лидеру было предельно ясно. Он понимал, что развертывается настоящий крестовый поход против Советской России, а также общее наступление против всех тех, кто не желал попадать под американское ярмо.

²⁸ Полный текст речи У. Черчилля в г. Фултоне 5 марта 1946 г. См. “Источник”. 1998 г. №1. С. 93–98.

Он детально ответил на целый ряд вопросов. Наиболее существенные моменты его ответов я здесь воспроизвожу.

«Вопрос. Как Вы расцениваете последнюю речь господина Черчилля, произнесенную им в Соединенных Штатах Америки?

Ответ. Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество.

Вопрос. Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

Ответ. Безусловно, да. По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война...

Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР... Поэтому нельзя относиться серьезно к фальшивым заявлениям друзей господина Черчилля в Англии о продлении срока советско-английского договора до 50 и больше лет. Продление срока договора не имеет смысла, если одна из сторон нарушает договор и превращает его в пустую бумажку.

Вопрос. Как Вы расцениваете ту часть речи господина Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские взаимоотношения, установленные между этими государствами и Советским Союзом?

Ответ. Эта часть речи господина Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бес tactности.

Господин Черчилль утверждает, что «Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы». Господин Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ «экспансионистские тенденции» Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что господин Черчилль грубо и беспардонно клевещет здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь 1/4 часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру.

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую катогру около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них. Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?

...Что касается нападок господина Черчилля на Советский Союз в связи с расширением западных границ Польши за счет захваченных в прошлом немцами польских территорий, то здесь, как мне кажется, он явным образом передергивает карты. Как известно, решение о западных границах Польши было принято на Берлинской конференции трех держав на основе требований Польши. Советский Союз неоднократно заявлял, что он считает требования Польши правильными и справедливыми. Вполне вероятно, что господин Черчилль недоволен этим решением. Но почему господин Черчилль, не жалея стрел против позиции русских в этом вопросе, скрывает от своих читателей тот факт, что решение было принято на Берлинской конференции единогласно, что за решение голосовали не только русские, но также англичане и американцы? Для чего понадобилось господину Черчиллю вводить людей в заблуждение?

Господин Черчилль утверждает дальше, что «коммунистические партии, которые были очень незначительны во всех этих восточных государствах Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и стремятся всюду установить тоталитарный контроль, полицейские правительства, превалируют почти во всех этих странах и до настоящего времени, за исключением Чехословакии, в них не существует никакой подлинной демократии».

...Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т. п.).

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Конечно, господину Черчиллю не нравится такое развитие событий, и он бьет

тревогу, апеллируя к силе. Но ему также не нравилось появление советского режима в России после первой мировой войны. Он также был тогда тревогу и организовал военный поход «14 государств» против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки господина Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после второй мировой войны новый поход против «Восточной Европы». Но если им это удастся, — что маловероятно, ибо миллионы «простых людей» стоят на страже дела мира, — то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад”²⁹.

Из обильно процитированных ответов Сталина явствует, что он прекрасно понимал стратегические замыслы зачинателей “холодной войны”, которую они при благоприятной возможности могли бы превратить в настоящую горячую войну. И совершенно правы те, кто утверждает, что “холодная война” была способом добиться реализации претензий США на руководство миром. Для этого требовалось коренным образом подорвать позиции Советского Союза, изменить его строй, поставить его на колени. “Холодная война” — это не наше политическое изобретение. Мы, как известно, в те годы отчаянно боролись за мир и делали это вполне искренне. Ослабленному и разрушенному войной СССР никакая новая война была не нужна. Нам надо было бросить все силы на восстановление страны и её ускоренное развитие. Это Запад придумал “холодную войну”, причём неизвестно, что в этом словосочетании для него представлялось более предосудительным: то, что велась война, или то, что она, к сожалению, должна была оставаться холодной, поскольку на горячую войну с нами Запад так и не смог решиться, особенно после появления в СССР ракетно-ядерного оружия.³⁰

“Холодная война” по своему содержанию и методам ведения находилась в постоянном развитии. Она дополнялась и “обогащалась” все новыми и новыми средствами и методами, но ее основное содержание сводилось к следующему: она была нацелена на обострение и сохранение состояния международной напряжённости, на создание и поддержание реальной опасности возникновения “горячей войны” (“балансирование на грани войны”), имела целью оправдать безудержную гонку вооружений, увеличение военных расходов, усиление реакции и преследования прогрессивных сил в капиталистических странах. В арсенал методов и форм “холодной войны” входили: образование системы военно-политических союзов (НАТО и. др.) и создание широкой сети военных баз; форсирование гонки вооружений, включая ядерное и др. виды оружия массового уничтожения; использование силы, угрозы силой или накопления вооружений как средства воздействия на политику других государств (“атомная дипломатия”, “политика с позиции силы”); применение средств экономического давления (дискrimинация в торговле и др.); активизация и расширение подрывной деятельности разведывательных служб; поощрение путчей и государственных переворотов; антикоммунистическая пропаганда и идеологические диверсии (“психологическая война”); препятствование установлению и широкому осуществлению политических, экономических и культурных связей между государствами.

У меня нет возможностей детально осветить все аспекты этой войны. Остановлюсь лишь на некоторых ее аспектах. Л.А. Безыменский и В.М. Фалин в ста-

²⁹ И. Столин. Соч. Т. 16. С. 25–30.

³⁰ См. “Советская Россия” 13 марта 2007 г.

тье “Кто развязал “холодную войну”...” приводят детальные планы разработки американскими штабами различных планов нападения на Советский Союз, причем датируются эти планы еще 1945 годом. С каждым годом эти планы изменялись и дополнялись, становясь все более агрессивными и опасными. Так, в меморандуме Совета Национальной Безопасности США (СНБ) 7 марта 1948 г. предлагалось объявить, что “разгром сил мирового коммунизма, руководимого Советами, имеет жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов”. “Этой цели, – записано в меморандуме, – невозможно достичь посредством оборонительной политики. Соответственно Соединенные Штаты должны взять на себя руководящую роль в организации всемирного контрнаступления во имя мобилизации и укрепления наших собственных сил и антикоммунистических сил несоветского мира, а также в подрыве моши коммунистических сил”³¹.

Идем дальше. В документе Объединенного комитета военного планирования 496/1 определены этапы завоевания СССР и его расчленения. Этот документ довольно многословен и детализирован. Приведу лишь наиболее существенную его часть.

“Нынешняя концепция войны с СССР, рассчитанная на ближайшие три года, основана на возможно раннем развертывании воздушного наступления, до предела использующего разрушительную силу и психологический эффект атомной бомбы, соединенного с бомбекой обычными средствами тех элементов национального потенциала, от которых зависит способность к продолжению военных действий... Союзники должны вести в СССР и на оккупированной им территории политическую, психологическую и подпольную войну. Психологическая деятельность должна максимально использовать страх перед атомной бомбой, дабы ослабить волю народа СССР к продолжению военных действий и укрепить волю диссидентских групп”³².

Американская уверенность в своем абсолютном “превосходстве” еще долго будет убаюкивать не только военных, но и политических руководителей США. Эксперты Пентагона даже вычислили, что для подавления воли советского народа к сопротивлению в первые полчаса войны должно быть “выведено из строя” 65 миллионов человек. Ради “удобства планирования” (“план “Дропшот”) исходили из того, что в момент удара (“день Д” – 1 января 1957 г.) у Соединенных Штатов будет “количественное преимущество 10:1” по атомному оружию и некоторое опережение Советского Союза по “созданию как наступательного, так и обычного оружия”³³.

В то время как Вашингтон разрабатывал планы нападения на Советскую Россию и ее уничтожения, Сталин в беседах с иностранными политическими деятелями и журналистами неизменно подчеркивал готовность и искреннее желание к развитию мирных отношений, к сотрудничеству со странами, имеющими иную общественную систему. Так, в беседе 9 апреля 1947 г. с видным тогда политическим деятелем США Стассеном он подчеркивал, “...что не следует увлекаться критикой системы друг друга. Каждый народ держится той системы, которой он хочет и может держаться. Какая система лучше – покажет история. Надо уважать системы, которые избраны и одобрены народом. Плоха ли или хороша система в

³¹ Страницы истории советского общества. Люди, факты, проблемы. Сборник статей. М. 1989. С. 354–355.

³² Там же. С. 355–356.

³³ Там же. С. 356.

США — это дело американского народа. Для сотрудничества не требуется, чтобы народы имели одинаковую систему. Нужно уважать системы, одобренные народом. Только при этом условии возможно сотрудничество.

Советскую систему называют тоталитарной или диктаторской, а советские люди называют американскую систему монополистическим капитализмом. Если обе стороны начнут ругать друг друга монополистами или тоталитаристами, то сотрудничества не получится. Надо исходить из исторического факта существования двух систем, одобренных народом. Только на этой основе возможно сотрудничество.

Что касается увлечения критикой против монополий и тоталитаризма, то это пропаганда, а он, И.В. Сталин, не пропагандист, а деловой человек. Мы не должны быть сектантами, говорит И.В. Сталин. Когда народ пожелает изменить систему, он это сделает. Когда он, И.В. Сталин, встречался с Рузвельтом и обсуждал военные вопросы, он и Рузвельт не ругали друг друга монополистами или тоталитаристами. Это значительно помогло тому, что он и Рузвельт установили взаимное сотрудничество и добились победы над врагом³⁴.

Американская политика с приходом к власти президента Трумэна с каждым годом и даже месяцем становилась все более открыто агрессивной, направленной против Советской России и стран Восточной Европы, которые все более укрепляли свои узы с Советским Союзом. По существу, формировалась система отношений на востоке континента, которая должна была, с одной стороны, способствовать укреплению обороноспособности Советского Союза, а с другой стороны — создать условия для утверждения в этих странах системы народной демократии. США всячески этому противились, применяя как методы политического, так и экономического давления. Идти на открытое военное столкновение с СССР они, конечно, опасались, поскольку не были уверены в конечном исходе такого противоборства. Главная ставка на атомное оружие была в определенной степени сомнительна, поскольку по указанию Сталина именно в эти годы шла напряженнейшая работа по созданию собственного атомного оружия. Да и у самих США такого оружия в избытке не было, не говоря уже о том, что общественное мнение всего мира, в том числе и в самих Штатах, активно выступало против использования атомного оружия.

В этих условиях на первый план вышли методы экономического и политического давления.

Доктрина Трумэна. Эта доктрина явилась внешнеполитической программой правительства США, изложенной в послании президента Г. Трумэна конгрессу в марте 1947 года. Она приобрела силу закона после утверждения соответствующего законопроекта конгрессом и подписания его президентом в мае 1947 года. Она предусматривала выделение в 1947—48 финансовом году 400 млн. долл. для оказания “помощи” Греции и Турции под предлогом “коммунистической опасности”, якобы угрожавшей этим странам. Соглашения с Грецией и Турцией были подписаны соответственно 20 июня и 12 июля 1947 г. Доктрина Трумэна преследовала цель ограничить усилившийся после 2-й мировой войны 1939—1945 гг. рост сил демократии и социализма, оказывать непрерывный наём на СССР и страны нарождавшейся народной демократии, поддерживать реакционные силы и режимы. Эта доктрина была использована для вмешательства США во внутренние дела других стран, для развязывания “холодной войны” и нагнетания

³⁴ И. Столин. Соч. Т. 16. С. 59—60.

международной напряжённости. Таким образом, она положила начало оказанию широкой военной "помощи" другим странам, сопровождавшемуся созданием сети военных баз на чужих территориях и осуществлявшемуся США в рамках других программ. Ближайшая цель предложенных Трумэном мероприятий состояла в том, чтобы обеспечить за Соединёнными Штатами господствующие позиции на Ближнем и Среднем Востоке.

План Маршалла явился программой восстановления и развития Европы после 2-й мировой войны 1939–45 гг. путём предоставления ей экономической помощи со стороны США. Онставил своей целью поддержать пошатнувшиеся в результате войны позиции капитализма в Западной Европе, воспрепятствовать прогрессивным социальным изменениям в странах континента, создать объединённый фронт против нараставшего освободительного движения в мире, и в первую очередь против СССР и складывавшейся мировой системы социализма. План Маршалла и доктрина Трумэна предшествовали и способствовали созданию агрессивного блока НАТО (1949 г.). Идея плана была выдвинута государственным секретарём США Дж. К. Маршаллом 5 июня 1947 г. в выступлении в Гарвардском университете. Она была поддержана Великобританией и Францией, предложившими на Парижском совещании министров иностранных дел США, Великобритании, Франции и СССР (июнь – июль 1947 г.) создать в Европе организацию или "руководящий комитет", который занимался бы выяснением ресурсов и нужд европейских стран и определял развитие главных отраслей промышленности, что на деле означало бы вмешательство во внутренние дела этих стран. В противовес плану Маршалла Сталин выдвинул предложения, направленные на обеспечение равноправного экономического сотрудничества при уважении национального суверенитета государств, однако они были отклонены западными державами, в связи с чем СССР и страны народной демократии отказались быть участниками указанного плана. Согласие на участие в нём дали 16 государств. В июле эти страны заключили конвенцию о создании Организации (первоначально комитет) европейского экономического сотрудничества, которая должна была разработать совместную "программу восстановления Европы". План Маршалла начал осуществляться с апреля 1948 года, когда в США вошёл в силу закон о 4-летней программе "помощи иностранным государствам", предусматривавший предоставление помощи западноевропейским странам на основе двусторонних соглашений; соглашения были подписаны в 1948 году. По этим соглашениям страны – участницы плана Маршалла обязывались способствовать развитию "свободного предпринимательства", поощрять частные американские инвестиции, сотрудничать в снижении таможенных тарифов, поставлять в США некоторые дефицитные товары, обеспечить финансовую стабильность, создать специальные фонды в национальной валюте, высвобождаемой в результате получения американской помощи, расходование которых контролировалось бы США, представлять регулярные отчёты об использовании получаемых средств. Для контроля над исполнением плана была создана Администрация экономического сотрудничества, возглавляемая крупными американскими финансистами и политическими деятелями.

Помощь предоставлялась США в виде безвозмездных субсидий и займов. С апреля 1948 года по декабрь 1951 года США израсходовали по плану Маршалла около 17 млрд. долл., причём основную долю (ок. 60%) получили Великобритания, Франция, Италия и ФРГ. 30 декабря 1951 г. план Маршалла официально прекратил своё действие и был заменён законом "о взаимном обеспечении без-

опасности”, предусматривавшим одновременное предоставление военной и экономической помощи.³⁵

Нельзя в связи с темой плана Маршалла обойти одну любопытную деталь. Stalin понимал, что, пытаясь вовлечь восточноевропейские страны, входившие в сферу интересов СССР, Запад преследовал цель оторвать их от Москвы или, по крайней мере, уменьшить степень их зависимости от нее. Но вначале у него были некоторые колебания, а, возможно, это была попытка проверить лояльность своих восточных союзников. Сама Москва отказалась от участия в конференции, на которой решался вопрос об участии в плане. Затем в начале июля Stalin рекомендовал своим восточноевропейским союзникам послать туда свои делегации. Но в ночь на 7 июля в Белград, Будапешт, Бухарест, Варшаву, Прагу, Софию, Тирану полетели телеграммы с указанием: не ехать в Париж. Хлопнув дверью, Москва не только избавила правительства некоторых стран Восточной Европы от неадекватных желаниям Кремля решений (например, Чехословакии и Польши, где действовали коалиционные правительства), но открыло «зеленую улицу» для фронтальной пропагандистской кампании коммунистических партий западноевропейских стран против плана Маршалла.³⁶

Берлинский кризис. США, Великобритания и Франция, грубо нарушив свои обязательства, согласованные в четырёхстороннем порядке на основе ялтинских и потсдамских решений, довели свою линию в германском вопросе до раскола и расчленения Германии, до ликвидации четырёхстороннего сотрудничества в отношении Германии и стали на путь использования Западной Германии в качестве орудия своих агрессивных планов в отношении СССР, открыто угрожая военными осложнениями. Объединение трёх зон в одну, противостоящую восточной части Германии, решение об образовании сепаратного западногерманского правительства, одностороннее решение об эксплуатации Рура, проведение сепаратной денежной реформы в западных зонах Германии и другие меры предопределили дальнейшее развитие ситуации в Западной Германии.

Новый раздел Европы tragически сказался на судьбе Германии. Восток Германии был оккупирован СССР, запад – США, Великобританией и Францией. В руках западных государств находилась также западная часть Берлина. В 1948 году Западная Германия была включена в сферу действия плана Маршалла. В июне 1948 года западные державы совместно с немецкими властями в одностороннем порядке провели денежную реформу, отменив деньги старого образца. Советские оккупационные власти вынуждены были закрыть границы. В полном окружении оказался Западный Берлин. Stalin решил использовать ситуацию для его блокады, надеясь установить советский контроль над столицей Германии полностью и добиться уступок со стороны США. Но американцы сумели организовать «воздушный мост» в Берлин и парализовать планы Сталина. Действия оккупировавших Германию государств и блокада Берлина 1948–1949 годов предопределили раскол Германии на три государственных образования. В мае 1949 года земли, находившиеся в западной зоне оккупации, объединились в Федеративную Республику Германия (ФРГ). Западный Берлин стал автономным самоуправляемым городом, связанным с ФРГ. В октябре 1949 года в советской зоне оккупации была создана Германская Демократическая Республика (ГДР). Советский вождь высоко оценивал факт образования ГДР: в телеграмме руководителям

³⁵ БСЭ. (Третье издание) Т. 15. С. 431.

³⁶ Подробнее об этом см. Г.М. Адабеков. Коминформ и послевоенная Европа. М. 1994. С. 25.

новой республики он подчеркнул: “Образование Германской демократической миролюбивой республики является поворотным пунктом в истории Европы. Не может быть сомнения, что существование миролюбивой демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладет конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами”³⁷.

Сталин, внимательно анализируя процессы, которые происходили в мире и особенно в западном лагере, был убежден, что западные оппоненты ведут дело к созданию широкого военно-политического блока, нацеленного на борьбу против СССР и стран народной демократии. Для него поэтому создание блока НАТО не являлось чем-то неожиданным. Конечно, он хотел бы воспрепятствовать подобному развитию событий, однако не все было в его силах. Он это осознавал и вынужден был считаться с реальностью и фактами.

Организация североатлантического договора (НАТО) явилась следующим, пожалуй, наиболее важным и перспективным шагом на пути создания военно-политического союза, направленного против Советского Союза, социалистических стран и национально-освободительного движения. Он был создан по инициативе США. Начал свою деятельность в разгар “холодной войны” на основе Североатлантического договора, подписанного в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. представителями правительств США, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Канады, Италии, Португалии, Норвегии, Дании, Исландии; в 1952 году к договору присоединились Греция и Турция, в 1955 году – ФРГ. Статья 5 – важнейшая ст. Североатлантического договора – устанавливает, что в случае “вооружённого нападения” на одного или нескольких его участников другие члены НАТО немедленно окажут помочь стране или странам, подвергшимся “нападению”, путём осуществления такого действия, какое они “считут необходимым, включая применение вооружённой силы”. Географическая сфера действия договора охватывает территории всех участников договора, острова “в североатлантическом районе – к северу от тропика Рака”, находящиеся под юрисдикцией участников договора, и Средиземное море. Статья 4 договора предусматривает консультации между странами – членами НАТО всякий раз, когда, по мнению любой из них, “...территориальная целостность, политическая независимость или безопасность любой из сторон окажется под угрозой”. Эта статья имеет целью “обосновать”, в случае необходимости, вмешательство НАТО во внутренние дела её участников (например, в случае возникновения революционной ситуации в той или иной стране). В договоре не указывается срок его действия. Согласно статье 13, любая страна, входящая в НАТО, имеет право отказаться от участия в договоре через 20 лет после его вступления в силу и выйти из него через год после уведомления о его денонсации.

Военные расходы НАТО в то время (равно как и в настоящее время) неуклонно растут. В 1949 году общие расходы стран НАТО на военные цели составляли 18,7 млрд. долл., в 1959 – 61,6 млрд., в 1969 – 106,4 млрд., в 1973 – св. 120 млрд. Более 75% этой суммы приходится на долю США, которые занимают доминирующее положение в НАТО.³⁸

Сталин сразу же оценил долгосрочные последствия создания НАТО и ту опасность, которую он представляет не только для Советской России, но и для народа

³⁷ И. Сталин. Соч. Т. 16. С. 100.

³⁸ БСЭ. Т. 18. С. 480–481.

дов других стран, в том числе и тех, кто боролся за свое национальное или социальное освобождение. Эту свою оценку он сформулировал в статье, в которой подвергал тщательному анализу заявление тогдашнего министра иностранных дел Англии Моррисона. Статья вышла как редакционная — без подписи Сталина.

“Г-н Моррисон утверждает, что Североатлантический пакт является оборонительным пактом, что он не преследует целей агрессии, что он, наоборот, направлен против агрессии, — подчеркнул Сталин. Если это верно, то почему инициаторы этого пакта не предложили Советскому Союзу принять участие в этом пакте? Почему они отгородились от Советского Союза? Почему они заключили его за спиной и втайне от СССР? Разве СССР не доказал, что он умеет и желает бороться против агрессии, например, против гитлеровской и японской агрессии? Разве СССР боролся против агрессии хуже, чем, скажем, Норвегия, являющаяся участником пакта? Чем объяснить эту удивительную несообразность, чтобы не сказать больше?

Если Североатлантический пакт является оборонительным пактом, почему англичане и американцы не согласились на предложение Советского правительства обсудить на Совете министров иностранных дел характер этого пакта? Как известно, Советское правительство предложило обсудить на Совете министров иностранных дел все пакты, заключенные им с другими странами. Почему же англичане и американцы боятся сказать правду об этом пакте и отказались подвергнуть обсуждению Североатлантический пакт? Не потому ли, что Североатлантический пакт содержит положения об агрессии против СССР и что инициаторы пакта вынуждены скрывать это от общественности? Не потому ли согласилось лейбористское правительство превратить Англию в военно-авиационную базу Соединенных Штатов Америки для нападения на Советский Союз?

Вот почему советские люди квалифицируют Североатлантический пакт как агрессивный пакт, направленный против СССР”³⁹.

Агрессивный характер деятельности НАТО и связанных с ней военно-политических союзов побудил социалистические страны уже после смерти Сталина создать организацию Варшавского договора 1955 года, которая прекратила свое существование в связи с распадом СССР.

Такова в самых общих чертах картина противоборства в период “холодной войны” Советского Союза с бывшими союзниками. Но и в кардинально изменившихся условиях Советский Союз под руководством Сталина не прекращал своих усилий по борьбе за упрочение мира, справедливое послевоенное урегулирование, разоружение, поддержку движения колониальных и зависимых народов. Продолжая укреплять и расширять сотрудничество с демократическими странами, 16 августа 1945 года СССР подписал с Польшей договор о советско-польской границе и соглашение по вопросу о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией. В 1945–48 гг. Советский Союз заключил важнейшие экономические и политические договоры со странами новой демократии (см. Советско-болгарский договор 1948 года, Советско-венгерский договор 1948 года и Советско-румынский договор 1948 г.). 6 апреля 1948 г. был также подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндией.

Сталин исходил из того, что в новых условиях сильно возросла роль ООН. Обеспечить мир возможно только тогда, когда организована его коллективная

³⁹ И. Стalin. Соч. Т. 18. С. 562–563.

защита. О значении новой международной организации мира и безопасности – организации Объединённых наций – И. В. Сталин говорил еще в ноябре 1944 года. Тогда он следующим образом оценивал перспективную роль ООН в пресечении возможных фактов агрессии:

“Для этого, кроме полного разоружения агрессивных наций, существует лишь одно средство: создать специальную организацию защиты мира и обеспечения безопасности из представителей миролюбивых наций, дать в распоряжение руководящего органа этой организации минимально необходимое количество вооруженных сил, потребное для предотвращения агрессии, и обязать эту организацию в случае необходимости применить без промедления эти вооруженные силы для предотвращения или ликвидации агрессии и наказания виновников агрессии.

Это не должно быть повторением печальной памяти Лиги Наций, которая не имела ни прав, ни средств для предотвращения агрессии. Это будет новая, специальная, полномочная международная организация, имеющая в своем распоряжении все необходимое для того, чтобы защитить мир и предотвратить новую агрессию.

Можно ли рассчитывать на то, что действия этой международной организации будут достаточно эффективными? Они будут эффективными, если великие державы, вынесшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единодушия и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие”⁴⁰.

С момента создания главного органа ООН – Совета Безопасности (январь 1946 года) делегации СССР и УССР в этом Совете ставили ряд вопросов, имеющих важнейшее значение для дела поддержания всеобщего мира. Эти вопросы касались опасного положения, создавшегося вследствие англо-американских происков в Греции и Индонезии, в Сирии и Ливане, Палестине и Испании, и, наконец, ставился вопрос о пребывании иностранных войск на территории ряда невражеских государств. Советские предложения по всем указанным вопросам натолкнулись на упорное сопротивление представителей США и Великобритании, не желавших отказаться от своего корыстного вмешательства во внутренние дела других государств.

Такое же упорное сопротивление встретило предложение СССР о запрещении использования атомной энергии для военных целей и о сокращении вооружений и вооруженных сил. Ввиду непрекращающихся попыток англо-американского блока ослабить роль и значение Совета Безопасности, несущего главную ответственность за дело мира, поколебать принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности (т. н. “право вето”) и даже вовсе ликвидировать этот принцип делегация СССР неуклонно защищала незыблемость принципа единогласия как одного из важнейших устоев организации Объединённых наций.

Делегация СССР на сессиях Генеральной ассамблеи выступала за право самоопределения народов, за равноправие населения колоний и несамоуправляющихся территорий. СССР вместе со странами новой демократии решительно борется за мир и международную безопасность, за демократию и прогресс, против реакции и агрессии, против планов мирового господства, которые надеялись осуществить США при поддержке Англии, Франции и некоторых других государств.

⁴⁰ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 167–168.

На второй сессии Генеральной ассамблеи ООН советская делегация не только нанесла поражение попыткам американской делегации добиться господства в Ассамблее и изоляции Советского Союза, но внесённым предложением о запрещении пропаганды войны разоблачила конкретных виновников военного психоза и в значительной мере смешала их карты. Осуждение пропаганды новой войны содействовало росту внешнеполитического авторитета СССР.

Противодействие Советского Союза помешало англо-американскому блоку осуществить свои планы в отношении бывших сателлитов Германии — Румынии, Венгрии, Болгарии и Финляндии. Благодаря поддержке Советского Союза и лично И. В. Сталина страны народной демократии получили возможность освободиться от фашизма, укрепить в своих странах демократический строй и пойти по пути к социализму. Заключение договоров о дружбе и взаимопомощи между Советским Союзом и каждой из стран народной демократии, а затем заключение договоров о дружбе и взаимопомощи между странами народной демократии укрепили демократический лагерь и усилили позиции стран народной демократии в их борьбе за свою политическую, экономическую и государственную независимость.

Борясь за демократический мир, Советское правительство поставило в 1947 году в организации Объединённых наций вопрос о всеобщем сокращении вооружений и о запрещении использования атомной энергии в военных целях. Несмотря на сопротивление реакционных кругов, определяющих направление всей внешней и внутренней политики США и Великобритании, а также поддерживающих их государства во главе с Францией и гоминдановским Китаем, Советскому правительству удалось добиться принятия соответствующей резолюции. Однако эта резолюция так и осталась на бумаге. Также остался на бумаге и ряд других важных решений Генеральной ассамблеи, принятых по инициативе Советского Союза. Наиболее ярким примером является резолюция Генеральной ассамблеи от 3 ноября 1947 г. против пропаганды новой войны. В 1948 году Советское правительство вновь внесло на Генеральную ассамблею предложение о запрещении атомного оружия, а также о сокращении на одну треть вооружений и вооруженных сил пяти великих держав. Это предложение англо-американский блок во главе с США отклонил, продемонстрировав перед всем миром отказ от запрещения использования атомного оружия в подготавливаемой им новой войне.

Деятельность ООН после обострения отношений между Востоком и Западом становилась все более ориентированной на интересы США и их союзников. В те времена советская пропаганда называла ее не иначе как машиной для голосования. К сожалению, прогнозы Сталина относительно того, чтобы ООН не повторила судьбу Лиги Наций в тот первый послевоенный период, фактически подтвердились. Не случайно в беседе с корреспондентом "Правды" в феврале 1951 года Stalin дал такую уничтожительную оценку роли ООН. "Организация Объединенных наций, созданная как орудие сохранения мира, превращается в орудие войны, в средство развязывания новой мировой войны. ... Таким образом, превращаясь в орудие агрессивной войны, ООН вместе с тем перестает быть всемирной организацией равноправных наций. По сути дела ООН является теперь не столько всемирной организацией, сколько организацией для американцев, действующей на потребу американским агрессорам... Организация Объединенных Наций становится таким образом на бесславный путь Лиги Наций" ⁴¹.

⁴¹ И. Столин. Соч. Т. 16. С. 147–148.

Сталин особое внимание обращал на неуклонно возраставший атомный шантаж со стороны США как наиболее эффективное средство, по мнению американцев, если не поставить СССР на колени, то заставить его быть более податливым к американским диктатам. Он неоднократно озвучивал свою позицию, подчеркивая главную мысль — эти попытки заранее обречены на провал. Особое возмущение советского лидера вызывало стремление Вашингтона (не только наглое, но и явно бесперспективное) сохранить свою монополию на атомное оружие. В сентябре 1951 года Сталин заявил: “Деятели США не могут не знать, что Советский Союз стоит не только против применения атомного оружия, но и за его запрещение, за прекращение его производства. Как известно. Советский Союз несколько раз требовал запрещения атомного оружия, но он каждый раз получал отказ от держав Атлантического блока. Это значит, что в случае нападения США на нашу страну правящие круги США будут применять атомную бомбу. Это именно обстоятельство и вынудило Советский Союз иметь атомное оружие, чтобы во всеоружии встретить агрессоров.

Конечно, агрессоры хотят, чтобы Советский Союз был безоружен в случае их нападения на него. Но Советский Союз с этим не согласен и думает, что агрессора надо встретить во всеоружии.

Следовательно, если США не думают нападать на Советский Союз, тревогу деятелей США нужно считать беспредметной и фальшивой, ибо Советский Союз не помышляет о том, чтобы когда-либо напасть на США или на какую-либо другую страну.

Деятели США недовольны тем, что секретом атомного оружия обладают не только США, но и другие страны, и прежде всего Советский Союз. Они бы хотели, чтобы США были монополистами по производству атомной бомбы, чтобы США имели неограниченную возможность пугать и шантажировать другие страны. Но на каком собственно основании они так думают, по какому праву?

Разве интересы сохранения мира требуют подобной монополии? Не вернее ли будет сказать, что дело обстоит как раз наоборот, что именно интересы сохранения мира требуют прежде всего ликвидации такой монополии, а затем и безусловного воспрещения атомного оружия? Я думаю, что сторонники атомной бомбы могут пойти на запрещение атомного оружия только в том случае, если они увидят, что они уже не являются больше монополистами”⁴².

Подошел момент сделать краткое резюме раздела. Вторая мировая война закончилась победой. Но эта победа таила в себе серьезные зародыши противоборства уже с союзниками по целой гамме как европейских, так и международных проблем. Возникновение “холодной войны” как раз и явилось формой этого противостояния. Ее неизбежное начало можно было предугадать заранее. Stalin, разумеется, прекрасно знал, что предстоит серьезное противоборство с бывшими союзниками, ибо сейчас их связывали не некие жизненные интересы борьбы против Германии и Японии, а реальные и глубокие противоречия. И в соответствии со своей внешнеполитической концепцией советский лидер во всеоружии встретил новый поворот в развитии ситуации в Европе и мире. Главные цели остались неизменными, хотя изменилось их конкретное содержание и формы. И советский лидер действовал твердо и последовательно, проявляя решительность и непримиримость там, где это диктовалось государственными интересами Советской России, и шел на необходимые уступки и компромиссы в тех случаях, когда это было продиктовано реальной обстановкой. Война закончилась — борьба продолжалась!

⁴² И. Stalin. Соч. Т. 16. С. 151–152.

3. Сталин и Коминформ

С самого начала я должен сделать одно пояснение. Когда я назвал данный раздел "Сталин и Коминформ", то отнюдь не собирался детально рассматривать весь комплекс вопросов, касающихся роли Сталина в создании новой коммунистической международной организации. В данном разделе речь пойдет о вешиах более широкого плана, в частности о политике Сталина в отношении стран Восточной Европы, а также о тех проблемах и трудностях, с которыми сталкивался советский лидер в сфере этих проблем. Иными словами, название в каком-то смысле условное и охватывает совокупность проблем, далеко выходящих за рамки, очерченные заголовком. Деятельность Коминтерна здесь займет относительно небольшой объем, и то главным образом с конфликтом между Сталиным и Тито. Полагаю, что читатели с пониманием отнесутся к этим моим самоограничениям. Поскольку в противном случае я рискую завязнуть и даже утонуть в том обилии проблем, которые связаны с поставленной мной задачей.

Перед Сталиным в условиях, когда западные державы резко активизировали свои усилия в деле экономической, а затем и военно-стратегической консолидации (не говоря уже о политической), во весь рост встал вопрос о том, какой ответ дать на этот вызов. Разумеется, всплыл вопрос об укреплении единства и налаживании регулярных связей и координации действий между коммунистическими и рабочими партиями Восточной Европы, а также Франции и Италии с Москвой. Но, конечно, уже не в той форме и не теми методами, которые практиковались в период существования Коминтерна. Это — с одной стороны. С другой, Сталин отдавал себе отчет, что внутренние условия в этих странах различны и применение стандартных, общих для всех партий мер являлось неприемлемым. Таким образом, учет своеобразия ситуации в различных странах Восточного блока явился также важным аргументом в пользу создания новой организации.

После довольно длительной подготовки, в которой Сталин не только принимал личное участие, но, естественно, играл доминирующую роль, было созвано в конце сентября 1947 года Информационное совещание представителей некоторых партий — югославской, болгарской, румынской венгерской, польской, советской, французской, чехословацкой и итальянской. Участники совещания заслушали информационные сообщения о деятельности соответствующих партий. Особый доклад об обмене опытом и координации деятельности компартий был сделан лидером польской партии В. Гомулкой. Но центральным пунктом повестки дня стал доклад А. Жданова о международном положении. Текст его доклада был просмотрен Сталиным, внесшим в него свои коррективы и поправки. Совещание приняло Декларацию по вопросу о международном положении, в ней в лаконичной форме нашли отражение главные выводы доклада представителя ВКП(б) А. Жданова.

В Декларации четко была сформулирована идея противостояния и противоборства двух лагерей: "Сформировались две противоположные политические линии: на одном полюсе политика СССР и демократических стран, направленная на подрыв империализма и укрепление демократии, на другом полюсе политика США и Англии, направленная на усиление империализма и удушение демократии. Так как СССР и страны новой демократии стали помехой в осуществлении империалистических планов борьбы за мировое господство и разгрома демократических движений, был провозглашен поход против СССР и стран новой де-

мократии, подкрепляемый также угрозами новой войны со стороны наиболее ретивых империалистических политиков в США и Англии.

Таким образом, образовались два лагеря — лагерь империалистический и антидемократический, имеющий своей основной целью установление мирового господства американского империализма и разгром демократии, и лагерь антиимпериалистический и демократический, имеющий своей основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма⁴³.

Совещание также приняло резолюцию об обмене опытом и координации деятельности партий, а также решение об издании газеты “За прочный мир, за народную демократию”.^{*} Было решено также разместить аппарат Коминформа в Белграде. Не стану излагать содержание доклада А. Жданова, поскольку многие его аспекты в той или иной форме были уже освещены выше. Приведу лишь ту часть, где мотивируется необходимость координации деятельности партий.

“Коммунистическое движение развивается в национальных рамках, но вместе с тем имеет общие для партий разных стран задачи и интересы. Получается довольно странная картина: социалисты, которые из кожи лезли вон, чтобы доказать, что Коминтерн якобы диктовал для коммунистов всех стран директивы Москвы, восстановили свой Интернационал, а коммунисты воздерживаются даже от того, чтобы встречаться между собой и тем более консультироваться по взаимно интересующим вопросам из опасения клеветы врагов на счёт “руки Москвы”. Представители самых различных видов деятельности — учёные, кооператоры, профсоюзники, молодёжь, студенты — считают возможным поддерживать международный контакт, обмениваться опытом и консультироваться по вопросам своей работы, устраивать международные конференции и совещания, а коммунисты стран, даже имеющих союзные отношения, стесняются устанавливать дружественные связи между собой. Нет сомнения, что такое положение, если бы оно продолжалось, было бы чревато крайне вредными последствиями для развития работы братских партий. Эта потребность в консультации и добровольной координации действий отдельных партий в особенности назрела сейчас, когда продолжающаяся разобщённость может приводить к ослаблению взаимного понимания, а порой и к серьёзным ошибкам”⁴⁴.

Сталин проводил в отношении стран Восточной Европы и их руководителей весьма и весьма искусную политику. Она не может быть нарисована только одной краской, ибо примитивизм являлся органически неприемлем для советского вождя. Он умел соблюдать декорум, умел проявить уважение и понимание проблем, с которыми сталкивались руководители братских партий. Словом, проявлял все лучшие качества политического деятеля и дипломата самого широкого масштаба. Это косвенно, а то и прямо, подтверждают авторы солидного, хорошо фундированного объемистого труда “Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949—1953”. Они, в частности, конста-

⁴³ Информационное совещание представителей некоторых компартий. В Польше в конце сентября 1947 года. М. 1948. С. 6—7.

* М. Джилас, видный югославский коммунист того времени, писал впоследствии, что в качестве курьеза стоит упомянуть, что это Сталин придумал газете Коминформа название “За прочный мир, за народную демократию”, считая, что западная пропаганда вынуждена будет повторять эти лозунги каждый раз, когда будет что-то цитировать из журнала. Но надежды Сталина не сбылись: название было громоздким, откровенно пропагандистским, и на Западе, как назло, чаще всего писали просто “орган Коминформа”. Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. М. 1992. С. 93.

⁴⁴ Информационное совещание представителей некоторых компартий. В Польше... С. 46.

тируют: "Опираясь на записи бесед Сталина с руководителями компартий в регионе и их шифрпереписку, можно сделать вывод, что отношения были политически и психологически более сложными и отнюдь не сводились только к прямому диктату Сталина. Представляется, что изучивший архивы российский учёный В.К. Волков правильно уловил специфичность контактов Сталина с главами восточноевропейских государств, когда написал: "Беседы Сталина... чем-то напоминали паломничество верующих к святым местам. Кремлевский оракул обладал своеобразным даром воздействия на своих собеседников, мистифицируя их своим вниманием, простотой поведения, политическим опытом. Имеется много свидетельств этих его черт и того впечатления, которое он производил на своих гостей.

Это актерское мастерство накладывалось на его огромную власть, и даваемые им инструкции он умел преподнести в виде советов, родившихся как бы в ходе совместного общения".

Но и это было лишь одной из сторон дела. Не следует упускать из вида тот факт, что восточноевропейские лидеры стремились опереться в своей деятельности на огромный авторитет Сталина, использовать его в собственных целях. Конкретные обращения к Сталину по основным вопросам, включая кадровые, предстают как неотъемлемая часть методов управления национального руководства"⁴⁵.

Заслуживает внимания и их оценка характера отношений Сталина с руководителями братских партий. Авторы вышеупомянутого труда пишут: "Документы же показывают, что политика Москвы была в высшей степени pragmatичной, соотносилась с конкретными историческими реалиями и вовсе не сводилась к примитивному политическому диктату. Коммунистические лидеры стран Восточной Европы были единомышленниками советского руководства, а вовсе не статистами. Отношения советского руководства и глав партий региона отнюдь не исчерпывались формулой "приказ – исполнение", ибо каждый из партнеров "играл" и свою "игру". Для Сталина определяющими были интересы формировавшегося советского военно-политического блока и прочность власти коммунистов в странах этого блока"⁴⁶.

Не стану задерживаться на отдельных, хотя и важных, моментах взаимоотношений между Москвой и ее восточноевропейскими союзниками. В общем виде изложу основные вехи развития в восточноевропейских странах в эти годы.

В 1946–1948 годах свершился процесс объединения в восточноевропейских странах коммунистических и социал-демократических партий, что, по мысли Сталина, должно было значительно укрепить фундамент их власти. Кроме того, это значительно расширяло социальную базу, на которую они могли опереться в проведении радикальных преобразований.

С самого начала следует подчеркнуть, что советский лидер к внутренним процессам развития восточноевропейских стран подходил порой несколько схематично. Это видно на примере того, что он делал акцент на факторы углубления и расширения классовой борьбы в этих странах. В этом плане раздвинуть рамки своего мышления мешал укоренившийся в его сознании советский опыт. Причем многие, конечно, не все характерные особенности советского опыта он счи-

⁴⁵ Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М. 2002. С. 15–16.

⁴⁶ Там же. С. 17.

тал применимыми в этих странах. Но факт остается фактом – классовый фактор выдвигался на авансцену всей общественно-политической и социальной жизни этих стран. Переход власти в руки рабочего класса в странах Восточной Европы сопровождался острой классовой борьбой, напряженными политическими схватками с силами внутренней контрреволюции, пользовавшимися поддержкой западных держав.

Во второй половине 40-х годов рабочий класс европейских стран народной демократии – Албании, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии – успешно завершил под руководством коммунистических партий политический разгром буржуазии и полностью сосредоточил в своих руках государственную власть. Революционная практика трудящихся этих стран породила новую форму власти – народную демократию.

Развитие социалистических революций показало, что процессу перехода от капитализма к социализму присущ ряд общих закономерностей, подтвержденных опытом Советской России. Такие главные закономерности, как руководящая роль рабочего класса во главе с партией и установление диктатуры пролетариата в той или иной форме, союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся, определяли содержание революционного процесса в государствах народной демократии.

Вместе с тем революции в этих странах протекали в иных исторических условиях, чем Октябрьская революция в России, и имели свои особенности. Страны народной демократии вступали на путь строительства социализма в обстановке, когда империализм уже не являлся всеохватывающей системой и в мире происходили коренные изменения в соотношении классовых сил. Эти страны в своей деятельности могли опереться на мощь и поддержку Советского Союза, использовать его богатый опыт.

Коммунистические и рабочие партии стремились учитывать своеобразие революционного процесса. Разработанные ими программы действий явились конкретизацией и развитием идей о взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за социализм, о единстве действий рабочего класса и других слоев трудящихся в этой борьбе, необходимости опоры на народное большинство.

Благоприятная историческая обстановка, обусловленная существованием Советского Союза, а также ослаблением капиталистической системы, предопределила сравнительно мирное развитие революций. Выступления масс поддерживались “сверху” теми звеньями государственного аппарата, которые находились в руках рабочего класса. Глубокий анализ внутренних и внешних факторов, определявших развитие революционного процесса в тех или иных странах, позволял коммунистическим и рабочим партиям разрабатывать правильную политическую стратегию и тактику. Не отказываясь в случае необходимости от немирных форм революционной борьбы, вооруженного подавления контрреволюции, они учитывали, что реальное соотношение классовых сил как внутри стран, так и на международной арене открывало возможность мирным путем добиваться революционных преобразований. **Своевобразием народной демократии** было использование некоторых прежних, дореволюционных форм политической организации и институтов, в частности парламента, постепенное наполнение их новым содержанием, подчинение революционным задачам. Народная демократия и в переходный период сохраняла, как правило, всеобщее равное избирательное право за всеми гражданами, в том числе и за представителями буржуазии.

Особенностью строя народной демократии являлось и то, что в большинстве стран существовала многопартийная система. Одновременно с крахом контрреволюционных партий происходил процесс дифференциации и размежевания внутри демократических партий. Одни из них переходили к сотрудничеству с рабочим классом и его политическим авангардом, признав за компартией ведущую роль в строительстве нового общества; другие — распадались и ликвидировались добровольно или принудительно.

Сталин не раз указывал на то, что главная задача народно-демократической власти состояла в создании экономического базиса нового общества. Решение этой задачи, как показал опыт Советского Союза, предусматривает установление общественной собственности на основные средства производства, социалистическую перестройку сельского хозяйства, планомерное, пропорциональное развитие экономики, осуществление коренных преобразований в области идеологии и культуры, ликвидацию национального гнета, установление равноправия и дружбы между народами.

В 1947—1949 годах в большинстве народно-демократических государств Восточной Европы была завершена национализация основных средств производства в промышленности, транспорта, банков. Располагая командными высотами в экономике, народно-демократическая власть взяла под свой контроль частно-капиталистический сектор, осуществляла целенаправленную политику экономического регулирования, рассчитанную на рост государственного сектора, расширение и укрепление национализированных отраслей промышленности. Stalin настаивал на том, что условия в этих странах диктуют необходимость более широко, чем в СССР, использовать государственный капитализм как метод привлечения капиталистических элементов в интересах развития народного хозяйства.

Овладев всей полнотой политической власти, рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством смог приступить к созданию материально-технической базы социализма. Те страны, которые до революции были в основном аграрными, становились на путь индустриального развития. В странах, имевших более или менее развитую промышленность, ставилась задача ликвидации оставшихся от капитализма диспропорций в структуре индустрии и в размещении производительных сил, расширения и технического совершенствования всех отраслей производства.

Задачей первостепенной важности Stalin считал осуществление социалистических преобразований и в сельском хозяйстве. Процесс кооперирования сельского хозяйства в странах народной демократии сопровождался острой классовой борьбой. Stalin в беседах с руководителями братских партий неизменно подчеркивал, что в конечном счете победа социализма невозможна без ликвидации кулакства как класса, которая осуществляется на основе массового производственного кооперирования крестьянства. Ликвидация кулакства в странах народной демократии проходила путем его постепенного ограничения и вытеснения. Прямому раскулачиванию подвергались лишь те, кто занимался саботажем и вредительством. Кулакам, проявлявшим лояльное отношение к народной власти и желание честно трудиться, разрешалось вступать в кооперативы.

Советский лидер был совершенно прав, когда исходил из того, что новая историческая обстановка, изменения в соотношении классовых сил на мировой арене, социально-экономические и национальные особенности стран народной демократии порождали новые формы и методы социалистического строительства. Коллективный опыт социалистических стран обогащал международное ком-

мунистическое движение. В итоге возникла новая форма политической организации общества — народная демократия, которую коммунисты рассматривали как одну из форм диктатуры пролетариата. Она отразила своеобразие развития социалистической революции в условиях ослабления империализма и изменения соотношения сил в пользу социализма. В ней нашли также свое отражение исторические и национальные особенности отдельных стран. Жизнь показала, что вредно как умаление и отрицание общих закономерностей перехода от капитализма к социализму, так и игнорирование национальной специфики.

Быстрый экономический и культурный подъем в странах народной демократии Восточной Европы, консолидация в них революционных сил, создание объединенных коммунистических партий, рост их влияния на политическую жизнь своих стран, укрепление дружбы, сотрудничества и взаимопомощи народов, развитие их отношений с Советским Союзом — все это явилось важным вкладом в упрочение могущества и сплочение антиимпериалистического, демократического лагеря.

Кратко стоит затронуть еще один вопрос, имеющий отношение к деятельности Коминформа. Советский вождь, внимательно следивший за деятельность Коминформа и получавший подробную информацию не только о ходе каждого выступления на его совещаниях, но и подробные оценки выступлений представителей других партий, как показывают факты, был недоволен (по крайней мере, не вполне доволен) тем, как функционировал Коминформ. Ему, конечно, не приходило в голову сделать Коминформ неким подобием Коминтерна, ибо это уже в корне не отвечало новым историческим условиям и задачам, стоявшим перед Советской Россией, а также братскими партиями. Но Сталин, видимо, ломал себе голову над тем, как кардинальным образом изменить к лучшему функционирование данной организации. Высоко цени интеллектуальные и политические качества лидера итальянских коммунистов П. Тольятти, он в конце 50-х годов предложил ему возглавить Коминформ, чтобы вдохнуть в него новую струю жизни. Однако Тольятти весьма вежливо отклонил это предложение, мотивировав свой отказ рядом убедительных доводов. Его письмо Сталину началось именно с отказа. Он, как говорится, сразу взял быка за рога, хорошо зная, что советский вождь не любит, когда его пытаются обвести вокруг пальца с помощью надуманных предлогов. Тольятти писал в начале января 1951 года:

“Сов. секретно

Дорогой товарищ Сталин!

Я много думал над предложением о моем назначении на пост Генерального секретаря Информбюро. Мне очень тяжело выражать мнение, не совпадающее с Вашим; но мне кажется, что итальянская компартия в настоящее время не может согласиться на это предложение⁴⁷.

Отказ итальянского лидера, конечно, не был главной причиной заката Коминформа. Главное заключалось в том, что он уже по существу не мог отвечать требованиям времени, самой обстановке — и не только мировому положению России, но и ситуации в самих странах народной демократии. Эпоха централизованного руководства из единого центра себя полностью исчерпала, и советский лидер, как человек весьма pragматический и одновременно далеко заглядывавший в будущее, не мог сбрасывать со счета указанные факторы.

⁴⁷ “Источник”. 1995 г. № 3. С. 149.

Итак, в самом общем виде были рассмотрены процессы социально-экономических и политических преобразований в странах Восточной Европы. Многое, разумеется, осталось вне поля внимания автора. Но из всего изложенного явствует, что Сталин лично оказывал огромное, можно сказать, решающее влияние на пути и методы решения проблем, стоявших перед странами народной демократии. В данной связи возникает вопрос, поставленный авторами исследования о Восточной Европе, на которое я уже ссылался выше.

Используя либеральную фразеологию, они, тем не менее, задаются принципиально важным вопросом: "Итак, 1949–1953 гг. для Восточной Европы стали периодом активного внедрения советской (сталинской) модели организации общества.

В начале 50-х годов в странах региона были созданы основные, "несущие" элементы этой модели: абсолютная концентрация политической и экономической власти в руках вождя; наличие единственной массовой партии (коммунистической), обладавшей реальной властью (сохранявшиеся в отдельных странах "декоративные" партии – не в счет); монополия марксистско-ленинского учения в сфере идеологии; монополия партийного государства на средства массовой информации и силовые структуры; всеобъемлющий контроль со стороны властных структур, облеченные на это специальными полномочиями; жесткая централизованная система управления экономикой. Были приведены в действие и типичные для советской модели механизмы поддержания этой "конструкции", включая репрессивно-террористические. Это дает основание говорить о наличии в Восточной Европе политических режимов, несомненно, близких к советскому образцу, левототалитарных по своему характеру, однако имеющих особые "родовые" черты, не дающие возможности считать их аналогами советского сталинского режима. Отличие, на наш взгляд, состоит в степени развертывания заложенного в этой "конструкции" тоталитарного потенциала"⁴⁸.

Не стану вступать в полемику по поводу квалификации характера режимов, установившихся в странах народной демократии в тот период. Отмечу лишь, что лично я разделяю ту точку зрения, что эти режимы не были не только копией сталинского режима, но и целому ряду важных качественных особенностей отличались от него. Да, собственно, было бы даже смешно в системе общественных и межгосударственных отношений искать и находить точные копии сталинского режима. Он был своеобразен и по-своему неповторим, как своеобразными и неповторимыми были российские условия, породившие его появление, расцвет, а затем и медленное угасание. История стран народной демократии во многом протекала под диктовку Сталина. Однако он оставлял им достаточно большую степень независимости практически во всех сферах, кроме важных международных вопросов. Поэтому, на мой взгляд, явно тенденциозную предвзятость проявляют те авторы, особенно западные, которые рассматривают братские страны как простых сателлитов Москвы. Кардинальные различия эпох изменили и само понимание зависимости, степени того, насколько самостоятельно принимались те или иные решения в рамках отдельных стран. Опираться здесь исключительно понятиями диктата и полного господства – значит сильно исказять историческую реальность.

⁴⁸ Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. С. 662–663.

4. Конфликт Сталин – Тито

Прежде чем непосредственно приступить к рассмотрению сущности, причин и последствий советско-югославского конфликта, получившего в исторической литературе простое название конфликт Сталин – Тито, я обстоятельно изложу богатый исторический и политический материал, содержащийся в книге Милована Джиласа “Беседы со Сталиным”. Эта книга опубликована в 1961 году, и до сих пор всеми исследователями оценивается как чрезвычайно ценный материал, раскрывающий не только истоки конфликта, но и дающий яркие характеристики Сталина. Джилас трижды побывал в Москве и имел многократные и откровенные беседы с советским лидером. На основе этих бесед у него сложилось определенное впечатление о Сталине не только как об исторической личности, но и о системе его политических взглядов, его политической философии. Полагаю, что обильное цитирование Джиласа лучше и ярче, чем мои собственные рассуждения и оценки, помогут читателю представить некоторые особенности политического мышления советского вождя, не говоря уже о причинах и характере возникшего конфликта между народной Югославией и Советским Союзом.

Беседы со Сталиным. Джилас начинает свое повествование несколько в лирически-взвышенном ключе: “Быть принятым у Сталина – это было наивысшим признанием героизма и страданий партизанских бойцов и нашего народа. Для тех, кто побывал в тюрьмах, участвовал в военной резне и пережил жестокие душевные переломы и борьбу против внутренних и внешних противников коммунизма, Сталин был чем-то большим, чем вождь в борьбе. Он был воплощением идеи, был претворен в коммунистических головах в чистую идею, а тем самым в нечто непогрешимое. Сталин был нынешней победной борьбой и грядущим братством человечества. Я знал, что только благодаря случайности именно я – первый югославский коммунист, которого он принимает. Но я ощущал гордость и радость, что об этой встрече смогу рассказать своим товарищам, а кое-что сообщить и югославским борцам.”

Вмг исчезло все отрицательное в СССР, а все недоразумения между нами и советскими руководителями потеряли значение и вес, как будто их не бывало. Все отталкивающее исчезало перед потрясающими размерами и красотой того, что во мне происходило. Что значила моя личная судьба в сравнении с масштабами борьбы и наши недоразумения в сравнении с грядущим осуществлением идеи?”⁴⁹

Прием у Сталина, состоявшийся на даче, он описывает подробно. По его словам, самым простым был хозяин. Он был одет в маршальскую форму и мягкие сапоги, без орденов, кроме Золотой Звезды Героя Социалистического Труда на левой стороне груди. В его поведении не было ничего искусственного, никакой позы. Это был не величественный Сталин с фотографий или из документальных фильмов – с замедленной продуманной походкой и жестами...

Поразил Джиласа и его выговор: чувствовалось, что он не русский. Но его русский словарь был богат, а речь, в которую он вставлял русские пословицы и изречения, живописна и пластична. Позже он убедился, что Сталин хорошо знал русскую литературу – но только ее. Вне русских рамок он был хорошо знаком лишь с политической историей.

Одно для Джиласа не было неожиданным: Сталин обладал чувством юмора – юмора грубого, самоуверенного, но не без изощренности и глубины. Он реаги-

⁴⁹ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 47.

ровал быстро, резко, без колебаний и, по-видимому, не был сторонником долгих разъяснений, хотя собеседника он выслушивал.⁵⁰

Весьма любопытна одна деталь, которая говорит о многом: “Разговор начался с того, что Сталин поинтересовался нашими впечатлениями о Советском Союзе. Я сказал:

— Мы воодушевлены!

На что он заметил:

— А мы не воодушевлены, хотя делаем все, чтобы в России стало лучше.

Мне врезалось в память, что Сталин сказал именно Россия, а не Советский Союз. Это означало, что он не только инспирирует русский патриотизм, но и увлекается им, себя с ним идентифицирует⁵¹. Джилас делится своими впечатлениями о поведении советского лидера, подчеркивая, что у Сталина была страстная натура со множеством лиц, причем каждое из них было настолько убедительно, что казалось, он никогда не притворяется, а всегда искренне переживает каждую из своих ролей. Интересную оценку союзников услышал Джилас из уст Сталина (не забудем, что беседа происходила в 1944 году, когда еще шла война):

— А вы, может быть, думаете, что мы, если мы союзники англичан, забыли, кто они и кто Черчилль? У них нет большей радости, чем нагадить своим союзникам, — в первой мировой войне они постоянно подводили и русских, и французов. А Черчилль? Черчилль, он такой, что, если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Да, копейку из кармана! Ей-богу, копейку из кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой — он засовывает руку только за кусками по-крупнее. А Черчилль? Черчилль — и за копейкой.⁵²

Коснулся Сталин и Коминтерна и его руководящих деятелей. Сталин интересовался Югославией иначе, чем остальные советские руководители. Он не спрашивал про жертвы и разрушения, а про то, какие создались там внутренние отношения и каковы реальные силы повстанческого движения. Но и эти сведения он добывал, не ставя вопросы, а в ходе собеседования...

Сталин расспрашивал, с кем из руководителей Джилас встречался в Москве. Когда последний упомянул Димитрова и Мануильского, он заметил:

— Димитров намного умнее Мануильского, намного умнее.

В связи с этим он вспомнил о распуске Коминтерна:

— Они, западные, настолько подлы, что нам ничего об этом даже не намекнули. А мы вот упрямые: если бы они нам что-нибудь сказали, мы бы его до сих пор не распустили! Положение с Коминтерном становилось все более ненормальным. Мы с Вячеславом Михайловичем тут голову ломаем, а Коминтерн проталкивает свое — и все больше недоразумений. С Димитровым работать легко, а с другими труднее. Но что самое важное: само существование всеобщего коммунистического форума, когда коммунистические партии должны найти национальный язык и бороться в условиях своей страны, — ненормальность, нечто неестественное.⁵³

На основе бесед со Сталиным, на примере того, чем он интересовался и какие давал советы и рекомендации, Джилас пришел к важному умозаключению: Сталин сознательно запугивал югославских руководителей, чтобы ослабить их контакты с Западом, одновременно стараясь подчинить своим интересам их по-

⁵⁰ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 49–50.

⁵¹ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 50.

⁵² Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 58.

⁵³ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 62–64.

литику, превратить ее в придаток своей западной политики, в особенности в отношениях с Великобританией.

Основываясь на своих идеях и практике и на собственном историческом опыте, он считал надежным только то, что зажато в его кулаке; каждого же, находящегося вне его полицейского контроля, он считал своим потенциальным противником. Течение войны вырвало югославскую революцию из-под его контроля, а власть, которая из нее рождалась, слишком хорошо осознала свои собственные возможности, и он не мог ей прямо приказывать. Он это знал и просто делал что мог, используя антикапиталистические предрассудки югославских руководителей, пытаясь привязать этих руководителей себе и подчинить их политику своей.⁵⁴

Джилас не ограничивается описанием событий и предметов обсуждения вопросов, которые стояли в порядке дня. Видимо, гораздо позднее, когда он уже былмещен с политической арены и просидел некоторое время в тюрьме в Югославии, он начал делать о Сталине выводы, так сказать, универсального, почти философского характера. Хотя я лично и считаю эти выводы не просто умозрительными, но в большой степени даже тенденциозными, все-таки полагаю нужным привести их, чтобы у читателя было более широкое поле для собственных умозаключений.

Итак, Джилас писал: “Его страна лежала в развалинах, голодная, изможденная. А его армии и отягченные жиром и орденами, опьяненные водкой и победой маршалы уже затоптали половину Европы. Он был уверен, что в следующем раунде они затопчут и вторую половину. Stalin знал, что он — одна из наиболее деспотических личностей человеческой истории. Но его это нимало не беспокоило: он был уверен, что вершит суд истории. Ничто не отягощало его совесть, несмотря на миллионы уничтоженных от его имени и по его распоряжению, несмотря на тысячи ближайших сотрудников, которых он истребил как предателей, когда они усомнились в том, что он ведет страну и народ к благосостоянию, равенству и свободе. Борьба была опасной, долгой и все более коварной, по мере того как противники становились малочисленнее и слабее. Но он победил, а практика — единственный критерий истины! И что такое совесть? Существует ли она вообще? Для нее нет места в его философии и практике. И человек, между прочим, результат производительных сил”⁵⁵.

Касаясь непосредственно отношений между Югославией и Советской Россией, а также между их лидерами, Джилас замечает, что в отношениях между Сталиным и Тито было что-то особое, недосказанное — как будто между ними существовали какие-то взаимные обиды, но ни один, ни другой по каким-то своим причинам их не высказывал. Stalin следил за тем, чтобы никак не обидеть лично Тито, но одновременно мимоходом притирался к положению в Югославии. Тито же относился к Stalinу с уважением, как к старшему, но чувствовалось, что он дает отпор, в особенности сталинским упрекам по поводу положения в Югославии.⁵⁶

Скрытые трения продолжались непрерывно, писал Джилас. Незримые для некоммунистического мира, они скрыто вспыхивали в партийных верхах — в связи с вербовкой в советскую разведку, которая с особой наглостью велась в государ-

⁵⁴ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 64–65.

⁵⁵ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 79.

⁵⁶ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 83–84.

ственном и партийном аппарате, а также в идейной области, главным образом из-за советского пренебрежения к югославской революции. Советские представители в Югославии с демонстративным недоумением реагировали на выдвижение Тито наряду со Сталиным, а особенно болезненно относились к самостоятельным югославским связям с восточноевропейскими странами и к росту там ее авторитета.

Трения вскоре перешли и на экономические отношения, в особенности когда югославам стало очевидно, что они при осуществлении пятилетнего плана не могут рассчитывать на советскую помощь сверх обычных торговых отношений. Ощущив сопротивление, Stalin заговорил о том, что смешанные общества не-пригодны для дружеских и союзных стран, и обещал всяческую помощь. Но одновременно его торговые представители использовали экономические выгоды, возникающие в результате обострения югославско-западных отношений и югославских иллюзий, что СССР – государство незгоистичное и не стремящееся к гегемонии.

Наряду с теми причинами, о которых пишет югославский автор, росту напряженности способствовали также другие причины: Тито стремился прибрать к своим рукам маленькую Албанию и уже договорился с албанскими руководителями о посылке туда двух югославских дивизий якобы для гипотетической возможности оказания помощи партизанам в Греции, которые вели борьбу против правительства, плясавшего под дудку Запада.

Последний раз Джилас виделся со Сталиным в 1948 году. Свои впечатления он передает так: “Непостижимо, насколько он изменился за два-три года. Когда я видел его в последний раз, в 1945 году, он был еще подвижным, с живыми и свежими мыслями, с острым юмором. Но тогда была война, и ей, очевидно, Stalin отдал последнее напряжение сил, достиг своих последних пределов... В одном лишь он был прежним Сталиным: резкий, острый, подозрительный при любом несогласии с ним. Он прерывал даже Молотова, и между ними чувствовалась напряженность. Все ему поддакивали, избегая излагать свое мнение прежде, чем он выскажет свое, спешили с ним согласиться”⁵⁷.

В конце последнего визита Джиласа в Москве состоялась встреча представителей югославской и болгарской партий с советским вождем Сталиным. (Во встрече приняли участие Молотов, Жданов, Маленков и Суслов.) Молотов подверг критике заявление Димитрова в Бухаресте о создании восточноевропейских федераций, в котором Димитров упомянул и Грецию, и таможенного союза и соглашения промышленных планов между Румынией и Болгарией. Но Stalin его прервал:

– Товарищ Димитров слишком увлекается на пресс-конференциях – не сле-дит за тем, что говорит. А все, что он говорит, что говорит Тито, за границей вос-принимают, как будто это сказано с нашего ведома. Вот, например, у нас тут были поляки. Я их спрашиваю: что вы думаете о заявлении Димитрова? Они говорят: разумное дело. А я им говорю: нет, это неразумное дело. Тогда они говорят, что и они думают, что это неразумное дело, – если таково мнение советского прави-тельства. Потому что они думали, что Димитров сделал заявление с ведома и со-гласия советского правительства, и поэтому они его одобряли.⁵⁸

⁵⁷ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 109.

⁵⁸ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 124–125.

Джилас пишет, что Димитров пытался объяснять, оправдываться. Но Сталин его все время перебивал, не давая закончить.

Это был сейчас подлинный Сталин – его остроумие перешло в язвительную грубость, а его нетерпимость в непримиримость. Все же он сдерживался, чтобы не прийти в ярость. Поскольку же он ни на мгновение не терял ощущения реальности, он ругал и горько упрекал болгар, зная, что они ему и так покорятся, но целился на самом-то деле в югославов, по народной пословице: дочь бранит, чтобы сноху облять. Обвинения в адрес Димитрова Stalin завершил следующими словами:

– Ерунда! Вы зарвались, как комсомолец. Вы хотели удивить мир – как будто вы все еще секретарь Коминтерна. Вы и югославы ничего не сообщаете о своих делах, мы обо всем узнаем на улице – вы ставите нас перед свершившимися фактами!”⁵⁹

Отдав должное резким и проникнутым полным отрицанием сталинизма как системы и Сталина как ее творца, Джилас, тем менее, как глубоко мыслящий человек делает один из важных выводов: “...Если проанализировать действительную роль Сталина в истории коммунизма, то там, рядом с Лениным, он до сих пор наиболее грандиозная фигура. Он не намного развил идеи коммунизма, но защитил их и воплотил в общество и государство. Он не создал идеального общества – это невозможно уже по самой человеческой природе, но он превратил отсталую Россию в промышленную державу и империю, которая все более упрямо и непримиримо претендует на мировое господство. С неизбежностью выясняется, что он реально создал наиболее несправедливое общество современности, если не вообще в истории – во всяком случае, оно в одинаковой мере несправедливо, неравноправно и несвободно.

Если смотреть с точки зрения успеха и политической находчивости, Сталина, вероятно, не превзошел ни один государственный муж его времени”⁶⁰.

Полагаю, что, возможно, чрезмерное цитирование Джиласа и покажется несколько искусственным, но оно, на мой взгляд, проясняет многие произошедшие впоследствии вещи.

Очевидно, Stalin воочию убедился в непримиримости и твердости позиции Тито, поэтому решил прибегнуть к другому методу – давлению на Центральный Комитет Компартии Югославии, рассчитывая при этом, что его собственный авторитет и вес способны внести раскол в ряды югославских руководящих деятелей и они примут его критику. Думаю, что с целью раскола югославского руководства он решил направить в адрес ЦК компартии Югославии письмо. Почему-то оно было за двумя подписями – его и Молотова: возможно, он хотел этим подчеркнуть, что не он единолично решает такие важные вопросы, и что все советское руководство стоит за ним.

Это письмо от марта 1948 года было написано в грубом и оскорбительном тоне. Обвинив югославское руководство в том, что оно способствовало созданию атмосферы недоверия и враждебности вокруг советских специалистов, не дало отпор попыткам дискредитировать Советскую Армию, Stalin изложил “факты, вызывающие недовольство Советского правительства и ВКП (б) и ведущие к ухудшению отношений между СССР и Югославией”. Одним из главных факторов назывались “тайные, закулисные” антисоветские высказывания “среди руководя-

⁵⁹ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 125–128.

⁶⁰ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. С. 136.

щих товарищей в Югославии" о "перерождении ВКП(б)", о "великодержавном шовинизме" в политике советской компартии. "Нам известно, что в руководящих кругах Югославии распространяются антисоветские заявления, например, подобные таким: "ВКП (б) перерождается", "в СССР господствует великодержавный шовинизм", "СССР стремится поработить Югославию экономически", "Коминформ – это средство порабощения других партий со стороны ВКП (б)" и т. д. Эти антисоветские заявления прикрываются обычно левыми фразами о том, что "социализм в СССР не является уже революционным" и "только Югославия представляет собой подлинного носителя революционного социализма" ... Разумеется, смешно слышать подобную болтовню о ВКП (б) от сомнительных марксистов типа Джиласа, Вукмановича, Кидрича, Ранковича и других". Далее в письме обращалось внимание на то, что "КПЮ до сих пор не легализована и находится на полуглавальном положении... в жизни КПЮ не чувствуется внутрипартийной демократии. ЦК в большинстве своем не избран, а кооптирован. В партии отсутствует критика и самокритика или ее почти нет. Характерно, что секретарем партии по кадровым вопросам является министр государственной безопасности, иначе говоря, партийные кадры находятся под наблюдением министра государственной безопасности... в югославской компартии не чувствуется духа политики классовой борьбы. Полным ходом идет рост капиталистических элементов в деревне, а также в городе, а руководство партии не предпринимает мер к ограничению капиталистических элементов. Коммунистическая партия Югославии усыпляет себя гнилой оппортунистической теорией мирного врастания капиталистических элементов в социализм..."⁶¹

Югославские руководители ответили довольно вежливо, но весьма твердо и решительно. Тито и Кардель от имени ЦК своей партии квалифицировали выдвинутые советской стороной обвинения как "неточные и тенденциозные". "Мы считаем, что причина для такого содержания письма, обвинений и позиций по отдельным вопросам – в недостаточном знании нашей ситуации. То, что каждый из нас любит Советский Союз, страну социализма, не может ни в коем случае означать, что мы можем меньше любить свою собственную страну, которая тоже строит социализм, в данном случае – Федеративную Народную Республику Югославию, за которую погибли сотни тысяч ее передовых людей. Мы очень хорошо знаем, что так это понимают и в Советском Союзе... Нас особенно удивило, что все это не было затронуто, когда в Москве были Кардель, Джилас, Бакарич в качестве делегатов нашей партии и правительства. Как видно из Вашего письма, подобной информацией Ваше правительство располагало до приезда нашей делегации в Москву. Нам кажется, что тогда перед нашей делегацией можно было бы поставить вопросы, связанные с военными и гражданскими специалистами..."⁶²

Получив ответ югославов, Сталин, очевидно, пришел в состояние ярости. Он направил второе письмо – еще более резкое и более угрожающее. В нем югославское руководство обвинялось "в непомерной амбициозности", "детских уловках голословного отрицания фактов и документов" и т. д. Сталин не жалел оскорбительных характеристик в адрес Тито и некоторых его ближайших соратников, пытался принизить вклад Югославии в разгром фашизма, решительно отвергнув тезис относительно вербовки югославских граждан как не отвечающий дейст-

⁶¹ Цит. по Ю.С. Гиренко. Stalin – Tito. M.1991. C. 360–361.

⁶² Там же. С. 271.

вительности. “Югославские руководители, — писал он, — очевидно, думают и далее оставаться на этих антисоветских позициях. Но югославские товарищи должны учесть, что оставаться на таких позициях — значит идти по пути отрицания дружественных отношений с Советским Союзом, по пути предательства единого социалистического фронта Советского Союза и народно-демократических республик. Они также должны принять во внимание и то, что, оставаясь на таких позициях, они лишают себя права на получение материальной и иной помощи от Советского Союза, ибо Советский Союз может оказывать помощь только друзьям”⁶³.

Отклонив югославское предложение прислать в страну представителей ЦК ВКП(б) для переговоров на месте, Сталин высказался за необходимость обсудить вопрос “принципиальных разногласий” на ближайшем заседании Информбюро.

Югославские руководители ответили отказом на предложение Сталина. В своем ответе они писали: “Мы не избегаем критики по принципиальным вопросам, но в этом деле чувствуем себя настолько неравноправными, что не можем согласиться с тем, чтобы сейчас решать проблему в Информбюро. Партии-участницы уже получили без нашего предварительного уведомления ваше первое письмо и выразили свою позицию. Содержание вашего письма не осталось внутренним делом отдельных партий, а вышло за дозволенные рамки”⁶⁴.

Но дальше события развивались еще более стремительно. Получив информацию о том, что С. Жуйович и А. Хебранг (в то время оба они были членами высшего руководства компартии Югославии) арестованы, Stalin поручил 9 июня Молотову передать И. Тито следующее: “ЦК ВКП(б) стало известно, что югославское правительство объявило Хебранга и Жуйовича изменниками и предателями родины. Мы это понимаем так, что Политбюро ЦК КПЮ намерено ликвидировать их физически. ЦК ВКП(б) заявляет, что если Политбюро ЦК КПЮ осуществит этот свой замысел, то ЦК ВКП(б) будет считать Политбюро ЦК КПЮ уголовными убийцами. ЦК ВКП(б) требует, чтобы расследование дела Хебранга и Жуйовича о так называемой неправильной информации ЦК ВКП(б) происходило с участием представителей ЦК ВКП(б). Ждем немедленного ответа”. На этот запрос ЦК КПЮ направил 18 июня в Москву ответ следующего содержания: “ЦК КПЮ никогда не помышлял “убивать” кого-либо, в т. ч. Хебранга и Жуйовича. Они находятся под следствием наших властей. ЦК КПЮ считает неправильной постановку вопроса со стороны ЦК ВКП (б) и с возмущением отвергает попытку представить наше партийное руководство “уголовными преступниками и убийцами”⁶⁵.

Дело теперь оставалось за чистой формальностью — принять резолюцию с осуждением Тито и предать ее гласности, подвергнув обсуждению во всех партиях и получив от них необходимую поддержку.

Совещание Информбюро состоялось в последней декаде июня 1948 года в бывшем королевском дворце близ Бухареста без представителей КПЮ. 15 июня Stalin рассмотрел проект доклада Жданова в Бухаресте, озаглавленный “О положении в КП Югославии”. Stalin собственноручно сделал ряд правок в докладе, где уже и до него Жданов сформировал такие положения: “Всю ответственность за создавшееся положение несут Тито, Кардель, Джилас и Ранкович. Их

⁶³ Цит. по Ю.С. Гиренко. Stalin — Тито. С. 376.

⁶⁴ Там же. С. 378.

⁶⁵ Там же. С. 382—383.

методы — из арсенала троцкизма. Политика в городе и деревне — неправильна. В компартии нетерпим такой позорный, чисто турецкий террористический режим. С таким режимом должно быть покончено. Компартия Югославии сумеет выполнить эту почетную задачу". Делегация ВКП (б) отбыла в Бухарест в следующем составе: Жданов, Маленков, Суслов. Вскоре Жданов телеграфировал Сталину из Бухареста, что беседы с Костовым, Червенковым, Тольятти, Дюкло, Ракоши, Георгиу-Дежем, другими товарищами показывают, что все "без исключения заняли непримиримую позицию по отношению к Югославии". Как стало известно впоследствии, стремясь любой ценой убедить участников совещания в необходимости принятия антититовской резолюции, Жданов заявил: "Мы располагаем данными, что Тито иностранный шпион"⁶⁶. В итоге совещание приняло резолюцию "О положении в Коммунистической партии Югославии".

В этой резолюции подробно перечислялись все грехи и прегрешения (а в понимании Сталина — преступления) югославских руководителей. В ней подчеркивалось следующее:

Информбюро отмечает, что руководство Югославской компартии за последнее время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики неправильную линию, представляющую отход от марксизма-ленинизма. В связи с этим Информационное бюро одобряет действия ЦК ВКП(б), взявшего на себя инициативу в разоблачении неправильной политики ЦК компартии Югославии и в первую очередь неправильной политики т.т. Тито, Карделя, Джиласа, Ранковича.

Информбюро констатирует, что руководство Югославской компартии проводит недружелюбную по отношению к Советскому Союзу и к ВКП(б) политику. В Югославии была допущена недостойная политика щельмования советских военных специалистов и дискредитация Советской Армии. Для советских гражданских специалистов в Югославии был создан специальный режим, в силу которого они были отданы под надзор органов госбезопасности Югославии и за ними была учинена слежка...

Все эти и им подобные факты свидетельствуют о том, что руководители компартии Югославии заняли недостойную для коммунистов позицию, в силу которой югославские руководители стали отождествлять внешнюю политику СССР с внешней политикой империалистических держав и ведут себя в отношении СССР так же, как они ведут себя по отношению к буржуазным государствам. Именно в силу этой антисоветской установки в ЦК компартии Югославии получила распространение заимствованная из арсенала контрреволюционного троцкизма клеветническая пропаганда о «перерождении» ВКП(б), о «перерождении» СССР и т.п.

Информбюро осуждает эти антисоветские установки руководителей КПЮ, несовместимые с марксизмом-ленинизмом и приличествующие лишь националистам.

Далее в резолюции подвергалась критике политика югославского руководства в деревне, которая якобы игнорирует принцип классовой борьбы и создает условия для процветания эксплуататорских классов. Разносной критике была подвергнута политика в отношении Народного фронта, в котором компартия якобы растворилась и утратила свою руководящую роль. Не менее резкой критике подверглось и положение в самой партии.

Далее следовали выводы обобщающего характера: Информбюро приходит к единодушному выводу, что своими антипартийными и антисоветскими взгляды-

⁶⁶ Ю.С. Гиренко. Сталин — Тито. С. 385—386.

ми, несовместимыми с марксизмом-ленинизмом, всем своим поведением и своим отказом явиться на заседание Информбюро руководители КПЮ противопоставили себя коммунистическим партиям, входящим в Информбюро, встали на путь откола от единого социалистического фронта против империализма, на путь изменения делу международной солидарности трудящихся и перехода на позиции национализма.

Информбюро осуждает эту антипартайную политику и поведение ЦК КПЮ.

Информбюро признает, что в силу всего этого ЦК КПЮ ставит себя и югославскую компартию вне семьи братских компартий, вне единого коммунистического фронта и, следовательно, вне рядов Информбюро.

В качестве ключевого вывода звучало следующее: "Задача этих здоровых сил КПЮ состоит в том, чтобы заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это, — сменить их и выдвинуть новое, интернационалистическое руководство КПЮ"⁶⁷.

Во всей коммунистической прессе развернулась яростная кампания по разоблачению югославских отступников. Одновременно шел процесс разоблачения якобы сторонников и пособников югославских предателей в братских партиях. Алогеем стало третье по счету совещание Коминформа, состоявшееся в Венгрии во второй половине ноября 1949 года. На нем, в частности, был обсужден доклад Георгиу-Дежа "Югославская компартия во власти убийц и шпионов" и принята соответствующая резолюция. Одним из центральных пунктов этой резолюции было следующее: "Необходимым условием возвращения Югославии в социалистический лагерь является активная борьба революционных элементов как внутри КПЮ, так и вне её, за возрождение революционной, подлинно коммунистической партии Югославии, верной марксизму-ленинизму, принципам пролетарского интернационализма и борющейся за независимость Югославии от империализма"⁶⁸.

Однако Сталин не мог ограничиться только мерами чисто политического и идеологического плана. Почти во всех партиях стран народной демократии развернулась настоящая охота за титоистами и прочими изменниками и врагами народа. Результаты не замедлили сказаться. В 1949 году в Венгрии состоялся процесс против одного из видных руководителей Венгерской партии трудящихся Л. Райком и его "сообщников". Все они понесли самое суровое наказание. Главные из обвиняемых были расстреляны. В конце 1949 года аналогичный процесс был проведен в Болгарии, где перед судом предстали Т. Костов (один из ведущих лидеров болгарской компартии) и ряд других партийных руководителей. Их ожидала та же судьба. В Польше был устранен от участия в политической жизни лидер ПОРП В. Гомулка. Но он, по воле судьбы или иным каким-то обстоятельствам, избежал рокового конца, хотя некоторое время и находился под арестом, и затем в 1956 году снова был призван к руководству партии и страны. Последним крупным деятелем — жертвой террора стал генеральный

⁶⁷ Полный текст резолюции см. Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М. 1999. С. 455–461.

⁶⁸ Совещание Информационного Бюро коммунистических партий. В Венгрии во второй половине ноября 1949 года. М. 1949. С. 28.

секретарь компартии Чехословакии Р. Сланский. Кара настигла его лишь через несколько лет — в 1952 году, когда состоялся судебный процесс над ним и его “сообщниками”. Он был приговорен к расстрелу.

Конечно, были и другие процессы, как открытые, так и закрытые. Но суть всех их заключалась в том, что Stalin руками своих ставленников (а то и через посредство советских органов безопасности) применял репрессии как орудие политической борьбы уже в условиях стран народной демократии. Думается, что он руководствовался при этом своими давно апробированными принципами и понятиями. Хотя, надо признать, что размах и масштабы этих репрессий уже были во много раз скромнее, нежели знаменитые политические процессы и репрессии 30-х годов в Советском Союзе. Если в нашей стране история проявила себя как трагедия, то в странах народной демократии она отнюдь не обернулась фарсом. Это тоже была трагедия, хотя и меньшая по своим масштабам. Stalin всегда оставался Stalinым.

Британский писатель и журналист Р. Уэст дает, на мой взгляд, не слишком глубокую, но все же в некоторой степени отражающую действительность оценку противостояния между Сталиным и Тито. “Ссору со Сталиным вернее всего следует рассматривать как главный кризисный момент карьеры Тито и поворотный пункт всей югославской истории, — пишет он. — Возможно, эту ссору скоро будут рассматривать как судьбоносную и для истории Советского Союза, и даже как начало медленного распада всей коммунистической системы.”

Возникновение титоизма означало более чем обычную трещину в фундаменте советской державы — титоизм бросал вызов вере в нерушимость теории марксизма-ленинизма⁶⁹.

Конечно, британский автор не был прозорливцем, глядевшим далеко за горизонты текущих событий, но в основном он оказался прав — процесс распада социалистической системы, конечно, обусловлен многими как объективными, так и субъективными факторами. Однако конфликт с Югославией и его многообразные последствия сыграли не последнюю роль в зарождении и развитии процесса крушения социалистической системы. Буквально через три года после смерти Сталина в странах народной демократии поднялась бурная волна протестов и народных выступлений, под напором которых власти вынуждены были пойти на уступки и существенные реформы. Жертвы репрессий в отношении так называемых “подручных” Тито были реабилитированы, а сами процессы квалифицированы как грубая фальсификация.

И бросая ретроспективный взгляд, следует признать, что Stalin во многом оказал влияние не только на развитие стран народной демократии в период своего правления. Но не менее важно и то, что это его воздействие в определенном направлении стало одним из важных факторов, обусловивших серьезные кризисные потрясения в братских странах в более позднее время. Наследие Сталина было настолько живучим, что оно давало о себе знать даже спустя целые годы, а может быть, и десятилетия. В этом, очевидно, заключалась как сила, так и органическая слабость сталинизма и самого Сталина как политического руководителя, наложившего неизгладимый отпечаток не только на события, современником которых он являлся, но и на последующее развитие исторического процесса.

⁶⁹ Ричард Уэст. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск. 1997. С. 269.

5. На вершине политического Олимпа: 70-летие Сталина

Данную главу следует, очевидно, завершать на бравурной ноте. На фоне всего того, что было описано ниже, наступил апогей сталинской политической карьеры — его 70-летие. Писать об этом подробно нет смысла как из-за отсутствия сколько-нибудь ценного исторического материала, так и по той причине, что он какими-то неведомыми знаками обозначал приближение его физического конца. Перефразируя слова великого Данте, можно выразиться так: земной свой путь пройдя почти до конца, он очутился на вершине политического олимпа, и пришло время подвести главные итоги пройденного пути. Однако Сталин не отличался склонностью подводить итоги пройденного. Он считал, что это — всего лишь знаковый рубеж во всей его политической деятельности, а отнюдь не повод делать какие-то обобщающие умозаключения. Возможно, он видел себя не на Олимпе, а на политической Голгофе (не в христианском понимании этого святого места), где ему придется расплачиваться за все содеянное им отнюдь не во благо человека. Каким бы жестким и жестоким человеком, политическим и государственным деятелем он ни был, полагаю, угрызения совести отнюдь не были ему абсолютно чужды и незнакомы. Хотя каких-либо свидетельств, исходящих от самого вождя, мы и не встретим. Под его деятельностью в этот период можно подвести определенную черту, но никак нельзя ставить финальную точку. Как показали дальнейшие события, в его голове рождались многие громадные проекты, воплотить в жизнь которые он собирался еще при своей жизни.

Соратники вождя задумали отметить его юбилей с широким размахом, на который у них хватало фантазии. В советской (да и не только в советской) печати уже за много месяцев до наступления годовщины 70-летия началась фактически никогда и не прекращавшаяся кампания по возвеличиванию вождя. Можно счесть за лицемерие и лукавство его слова, высказанные в феврале 1946 года в его ответе на письмо одного советского военного специалиста Разина, обратившегося к нему с просьбой осветить ряд теоретических вопросов военного искусства. Stalin тогда как бы в сердцах выругался: “Режут слух дифирамбы в честь Сталина — просто неловко читать”⁷⁰. Впрочем, читать подобные дифирамбы ему приходилось и раньше, и они и тогда тоже не могли не резать слуха. Но, видимо, вождь терпеливо сносил свою тяжелую долю, понимая, что все это — неотъемлемые атрибуты и символы его абсолютной власти.

Но в месяцы и дни, предшествовавшие юбилейной годовщине, кампания восхваления вождя буквально во всем и везде приняла поистине невиданные характер и масштабы: тысячи, а может быть и миллионы, приветствий и поздравлений нескончаемым потоком шли в его адрес от организаций, предприятий, республик, городов и сел, от отдельных граждан и т. д. Словом, вся страна торжественно отмечала его юбилей, и мне кажется, что ни один земной правитель не удостаивался таких почестей и эпитетов. Хотя кое-кто пытался представить дело так, что мероприятия якобы отличаются большой скромностью.

Как и принято в таких случаях, Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР обратились с приветствием к великому вождю и учителю, продолжателю бессмертного дела Ленина. В нем в концентрированном виде перечислялись все его заслуги перед страной, все, что было достигнуто под его руководством. В нем, в частности, особо отмечалось: “С величайшей твердостью и

⁷⁰ И. Stalin. Соч. Т. 16. С. 23.

проницательностью направляешь ты, товарищ Сталин, внешнюю политику Советского Союза, борясь за мир и безопасность больших и малых народов. Неизмеримо вырос международный авторитет СССР, как оплота мира и демократии. Трудящиеся капиталистических и колониальных стран видят в тебе верного и стойкого поборника мира и защитника жизненных интересов народов всех стран. Ты зажёг в сердцах всех простых людей земного шара непоколебимую веру в правое дело борьбы за мир во всём мире, за национальную независимость народов, за дружбу между народами...

Великий корифей науки! Твои классические труды, развивающие марксистско-ленинскую теорию применительно к новой эпохе, эпохе империализма и пролетарских революций, эпохе победы социализма в нашей стране, являются величайшим достоянием человечества, энциклопедией революционного марксизма. В этих произведениях советские люди и передовые представители трудящихся всех стран черпают знания, уверенность, новые силы в борьбе за победу дела рабочего класса, находят ответы на самые жгучие вопросы современной борьбы за коммунизм. Твои труды по национально-колониальному вопросу как яркий светоч освещают путь национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран. Гигантские успехи сил мира, демократии и социализма озарены ленинско-сталинской революционной мыслью”⁷¹.

Члены и кандидаты в члены Политбюро опубликовали свои статьи в газете “Правда” и журнале “Большевик”. Каждый, разумеется, по профилю своих обязанностей, которые ложились на него в высшем руководстве. Бросилась в глаза одна деталь, на которую многие обратили внимание: в перечне лиц, которые заняли место в президиуме торжественного собрания 21 декабря, вторым после вождя был назван Молотов. А в газетных и журнальных публикациях на первом месте стояла не его статья, а статья Маленкова. Конечно, сделано это было не по недосмотру, а вполне сознательно, видимо, чтобы подчеркнуть, что отныне Маленков занимает в партийной иерархии второе место после Сталина, а не Молотов.

Разумеется, все члены руководства не жалели эпитетов, чтобы как можно ярче и лучше отразить роль Сталина и его заслуги. Однако, по существу, все статьи носили довольно сухой, а подчас и откровенно скучный характер. Несколько отличился, как всегда, Н. Хрущев. Он особый акцент сделал на том, как внимательно вождь относился к восстановлению разрушенных городов и сел страны. Хрущев писал: “Никогда не забыть, как товарищ Сталин готовил невиданные по своим масштабам восстановительные работы на освобождённой от врага советской земле. Ещё наши наступающие войска находились далеко от того или иного района Украины или Белоруссии, Молдавии или Смоленщины, а товарищ Сталин уже разрабатывал планы восстановительных работ в этих районах. Он повседневно интересовался, проверял, что делается для того, чтобы быстрее развернуть восстановление разрушенных врагом городов, предприятий, колхозов, требовал ускорить завоз в освобождённые районы промышленного оборудования, тракторов, сельскохозяйственных орудий, семян для колхозов”⁷².

На официальном уровне 2 декабря 1949 г. был принят указ Президиума Верховного Совета об образовании Комитета в связи с 70-летием со дня рождения И.В. Сталина. Согласно этому указу в него вошли высшие партийные руководители, а также наиболее видные представители общественности – рабочие, заслу-

⁷¹ “Большевик”. 1949. № 24. С. 6.

⁷² “Большевик”. 1949. № 24. С. 84.

женные колхозники, деятели искусства и литературы, представители военных и т. д. – всего 75 человек во главе с Н.М. Шверником – председателем Президиума Верховного Совета.⁷³ На комитет была возложена обязанность по разработке и организации проведения мероприятий, связанных с юбилеем.

На заседании Комитета 17 декабря 1949 г. были намечены основные мероприятия, связанные с 70-летием Сталина. Стенограмма заседания Комитета позволяет воссоздать наиболее любопытные моменты, которые обсуждались на заседании. Председатель Комитета сообщил следующий план намеченных мероприятий.

“Позвольте мне сообщить о тех мероприятиях, которые намечаются к проведению в связи с семидесятилетием товарища Сталина.

21 декабря с. г. в Большом театре предполагается провести торжественное заседание ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, Президиума ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР, МК и МГК ВКП(б), Московского областного и городского Советов депутатов трудящихся, МК и МГК ВЛКСМ совместно с представителями партийных, общественных организаций и Советской Армии. Торжественное заседание открыть в 7 часов вечера. Предусмотреть следующий порядок проведения торжественного заседания: вступительная речь Председателя Комитета, приветствия от союзных республик, профсоюзов, молодежи, пионеров, Советской Армии, Москвы и Ленинграда. Затем выступления представителей иностранных делегаций и сообщение о полученных приветствиях в связи с семидесятилетием Иосифа Виссарионовича Сталина.

Второе – провести 22 декабря с. г. в Кремле правительственный прием, начав его в 9 часов вечера.

Третье. В связи с семидесятилетием со дня рождения товарища Сталина и учитывая его исключительные заслуги в деле укрепления и развития Союза Советских Социалистических Республик, строительстве коммунизма в нашей стране, организации разгрома немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов, а также в деле восстановления и дальнейшего подъема народного хозяйства СССР в послевоенный период, Президиум Верховного Совета СССР принял решение о награждении товарища Сталина орденом Ленина.

Предлагается также учредить 5–10 международных Сталинских премий “За укрепление мира между народами”⁷⁴.

Особенным рвением отличался на заседании Комитета С.М. Буденный: “Я предлагаю в честь семидесятилетия со дня рождения товарища Сталина соорудить в нашей стране памятники там, где шли решающие сражения, в которых участвовал сам товарищ Сталин, но памятники военные. Скажем, в местах, где был товарищ Сталин, когда шли сражения против Юденича, на юге – против Деникина, на западе – против поляков. Вот в этих местах надо создать военные памятники. Одно замечание. У нас почему-то привыкли изображать товарища Сталина неподвижным, в шинели и одного. Надо показать его с войсками, на важнейших направлениях, где решались судьбы армий врагов, как в гражданской, так и в Отечественной войне. Это первое предложение.

Вношу на обсуждение второе предложение: учредить орден товарища Сталина, который будет даваться и военным и гражданским лицам за выдающиеся заслуги перед Родиной.

⁷³ Полный состав комитета см. “Источник”. 1996. № 5. С. 72–74.

⁷⁴ “Источник”. 1996. № 5. С. 75.

Третье предложение – присвоить товарищу Сталину звание Народного Героя. У нас существуют звания – Герой Социалистического Труда, Герой Советского Союза, а товарищ Сталин – Народный Герой”⁷⁵.

Как видно, герой гражданской войны совсем разошелся и утратил чувство меры. В какой-то степени к чувству реальности косвенно призывал Молотов, заявивший: “Я думаю, товарищи обратили внимание в сообщении товарища Шверника о характере празднования семидесятилетия товарища Сталина на то, что намеченные в предварительном порядке мероприятия отличаются чрезвычайно большой скромностью. И это отвечает духу и желаниям самого товарища Сталина.

...Было бы неправильно также идти против желания товарища Сталина, выраженного им в смысле скромности тех мер, которые здесь намечены, по линии расширения этих мер и отхода от той общей установки насчет мероприятий в честь семидесятилетия товарища Сталина, о которой говорил товарищ Шверник.

Поэтому, чтобы быть ближе к тому, что соответствует этому дню и желанию товарища Сталина, нам надо ограничиться намеченными мероприятиями. У нас есть много средств выразить наши чувства, наши мысли и наши желания и в этот день, и до этого дня, и после этого дня. Я думаю, что этот день покажет, насколько он воодушевил народные массы в нашей стране и за пределами нашей страны для выражения тех желаний и дум, которые есть у широких народных масс.

Что касается отдельных мероприятий, то я предлагаю ограничиться теми рамками, которые наметил здесь товарищ Шверник, и в этих рамках выделить для обсуждения на нашем Комитете вопрос о торжественном заседании и вопрос об учреждении новых международных Сталинских премий, премий мира. Последний вопрос имеет огромное политическое значение не только для нашей страны, но и для всего мира. Он будет отражать наиболее глубокие думы и стремления народных масс в настоящее время, будет отвечать желаниям всего нашего народа”⁷⁶.

Полагаю, что и намеченные мероприятия уже далеко превосходили известные рамки “скромности” вождя.

Затем участники заседания Комитета перешли к обсуждению вопроса об учреждении международных Сталинских премий “За укрепление мира между народами”. Было решено учредить пять–десять ежегодных международных Сталинских премий “За укрепление мира между народами”, присуждаемых гражданам любой страны мира, независимо от их политических, религиозных и расовых различий, за выдающиеся заслуги в деле борьбы против поджигателей войны и за укрепление мира.

Установить, что лица, награждаемые международной Сталинской премией, получают:

- а) диплом лауреата международной Сталинской премии;
- б) золотую нагрудную медаль с изображением Иосифа Виссарионовича Сталина;
- в) денежную премию в размере 100 тысяч рублей.

Установить, что международные Сталинские премии “За укрепление мира между народами” присуждаются специальным Комитетом по международным Сталинским премиям, образуемым Президиумом Верховного Совета СССР из представителей демократических сил различных стран мира.

⁷⁵ “Источник”. 1996. № 5. С. 76.

⁷⁶ “Источник”. 1996. № 5. С. 76.

Присуждение премий производить в день рождения Иосифа Виссарионовича Сталина – 21 декабря каждого года.

Первые премии присудить в 1950 году.⁷⁷

Затем обсуждение приняло чуть ли не мистический характер. Процитирую соответствующий пассаж из стенограммы:

“Г. В. АЛЕКСАНДРОВ. Можно высказать пожелание, чтобы первую премию присудили товарищу Сталину.

А. И. МИКОЯН. Сталинскую премию и ему же присуждать?

Г. М. МАЛЕНКОВ. Присуждать будет специальный Комитет. Он рассмотрит, может быть, и будет такое предложение.

Н. М. ШВЕРНИК. Других выражений нет? Предложение принимается.

Я хочу огласить Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении товарища Сталина:

“В связи с семидесятилетием со дня рождения товарища Иосифа Виссарионовича Сталина и учитывая его исключительные заслуги в деле укрепления и развития Союза Советских Социалистических Республик, строительстве коммунизма в нашей стране, организации разгрома немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов, а также в деле восстановления и дальнейшего подъема народного хозяйства СССР в послевоенный период, наградить товарища Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА орденом Ленина”.

Г. М. МАЛЕНКОВ. Принять к сведению.

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА: “Принять”.⁷⁸

Члены Комитета были проинформированы о том, что от общественных и государственных организаций поступили различные предложения в связи с 70-летием вождя. В частности, Президиум Правления Союза советских архитекторов предлагал:

1) соорудить в Москве монумент Победы советского народа в Великой Отечественной войне в честь творца победы – товарища И. В. Сталина;

2) принять предложение коллектива строителей нового высотного здания Московского Государственного Университета об увенчании этого здания монументальной скульптурой И. В. Сталина;

3) создать в Москве проспект Сталина по трассе Центральной магистрали, проходящей от площади Дзержинского через площадь Свердлова, Охотный ряд, Моховую, Волхонку к Дворцу Советов и далее к Ленинским горам;

4) построить в Москве Музей Сталина, отражающий жизнь и деятельность И. В. Сталина;

5) учредить Международную премию имени Сталина за выдающиеся прогрессивные произведения искусства и литературы, активно способствующие борьбе за мир и народную демократию.⁷⁹

Коллектив Московского архитектурного института предложил установить ежегодный Всеноародный праздник, посвященный дню рождения товарища И. В. Сталина. Кроме того, он предложил создать в столице СССР, городе Москве, Дворец жизнедеятельности товарища И. В. Сталина для отражения в нем жизненного пути товарища Сталина, его политической и государственной деятельности, научных трудов и подарков трудающихся. Этот музей как раз и стал музеем по-

⁷⁷ “Источник”. 1996. № 5. С. 78.

⁷⁸ “Источник”. 1996г. № 5. С. 87.

⁷⁹ “Источник”. 1996. № 5. С. 79.

дарков Сталину, которые присыпались со всего мира. Надо признать, что этот музей пользовался особой популярностью и чрезвычайно высокой посещаемостью. В дальнейшем в ходе десталинизации музей был ликвидирован, а его экспонаты разлетелись по разным местам.⁸⁰

Много можно было бы перечислять предложений, исходивших со всех концов нашей страны, да и многих других стран. Но всему приходит свой логический конец. Наступил день 21 декабря 1949 г. В Большом театре появился Сталин со своими соратниками, причем первым после вождя упоминался Молотов. Затем к ним присоединились главы делегаций братских стран и представители наиболее крупных коммунистических партий. Сталин сел не в середине ряда, а чуть в стороне — около него были Мао Цзэдун и Хрущев. Вождь ничем особыенным себя не отмечал, изредка перекидываясь фразами с сидевшими рядом с ним. Словом, вел себя подчеркнуто скромно и так же скромно принял преподнесенные ему детьми цветы. Порой создавалось впечатление, что все это его каким-то образом тяготит, но он stoически переносит тяжелые муки славы.

Апогеем празднества явилась речь Шверника, которую стоит подробно процитировать, поскольку в ней нашла отражение квинтэссенция всех дифирамбов в адрес великого вождя. Шверник сказал:

“Разрешите мне от вашего имени, от имени всего советского народа горячо поздравить Иосифа Виссарионовича Сталина с днем его славного семидесятилетия и от всего сердца пожелать ему доброго здоровья и многих лет жизни на счастье и радость нашего народа и трудящихся всего мира. (*Все встают, бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы: “Великому Сталину ура!”*)

Сегодня самые заветные мечты и наилучшие пожелания советских людей связаны с именем вождя, учителя и друга, самого близкого и беспредельно дорогого нам Иосифа Виссарионовича Сталина, чей гений и несокрушимая воля неудержимо ведут наш народ вперед, к победе коммунизма. (*Бурные аплодисменты.*)

Более пятидесяти лет своей жизни товарищ Сталин посвятил делу пролетарской революции, делу рабочего класса, делу трудового народа.

Вместе с Лениным товарищ Сталин создал могучую большевистскую партию и вооружил ее подлинно революционной теорией. Вместе с Лениным товарищ Сталин руководил героической борьбой большевистской партии за установление диктатуры пролетариата, за победу Советской власти.

В годы гражданской войны и интервенции товарищ Сталин вместе с Лениным поднял народ на разгром сил буржуазно-помещичьей белогвардейщины и иностранных империалистических захватчиков.

Товарищ Сталин вместе с Лениным заложил основы Советского социалистического государства рабочих и крестьян, создал и укрепил Союз Советских Социалистических Республик, основанный на нерушимой братской дружбе и сотрудничестве свободных народов.

После смерти Ленина все заботы по руководству партией и государством легли на товарища Сталина. Под его мудрым руководством коммунистическая партия большевиков, преодолевая многочисленные трудности на своем пути, смело провела рабочий класс и всех трудящихся вперед, по ленинскому пути. (*Бурные аплодисменты.*)

В упорной борьбе с презреными врагами революции, с врагами народа,

⁸⁰ “Источник”. 1996. № 5. С.80.

пытавшимися повернуть нашу страну назад к буржуазным порядкам, товарищ Сталин отстоял и развил ленинизм, развил ленинскую теорию о возможности победы социализма в одной стране, вооружил этой теорией партию и миллионные массы трудящихся и претворил ее в жизнь.

Под руководством товарища Сталина большевистская партия осуществила социалистическую индустриализацию страны, техническую реконструкцию всего народного хозяйства, объединила многомиллионные массы крестьянства в колхозы, обеспечила победу социализма в СССР и навсегда уничтожила эксплуатацию человека человеком, ликвидировала безработицу и нищету, создала широкие возможности для роста зажиточной и культурной жизни народа.

В результате победы социализма создалось и укрепилось морально-политическое единство советского общества, упрочилась дружба народов.

В дни Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов товарищ Сталин принял на себя главное командование вооруженными силами славной советской Родины, предстал перед миром, как вождь могучего народа, как величайший стратег и полководец всех времен, непревзойденный творец самой передовой советской военной науки. (*Бурные аплодисменты.*)

Под руководством товарища Сталина советские войска не только изгнали оккупантов с родной земли, но и освободили народы от фашистского ига.

Под влиянием этой победы рабочие и крестьяне стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Китая, руководимые коммунистическими партиями, свергли ненавистные им реакционные правительства, утвердили свою народно-демократическую власть.

Советский народ, под руководством большевистской партии, уверенно идет вперед, добивается выполнения великих сталинских планов, направленных на дальнейшее развитие производительных сил и преобразование природы для того, чтобы поставить их на службу человеку.

Под руководством товарища Сталина на широкой основе развивается в нашей стране наука и техника, опирающаяся на производство, постоянно расширяется связь ученых с передовыми рабочими и специалистами.

Всеми своими успехами советский народ обязан коммунистической партии большевиков, воспитанной и закаленной в боях Лениным и Сталиным. Неиссякаемым источником энергии, поднимающим советский народ на новые подвиги, служит многогранная и выдающаяся деятельность Иосифа Виссарионовича Сталина. (*Бурные аплодисменты.*)

Имя Иосифа Виссарионовича Сталина стало для нас самым близким, самым родным. Оно поднимает нас на вдохновенный ТРУД, укрепляющий могущество нашей социалистической Родины.

Имя Сталина зажигает сердца миллионов советских людей, поднимает их на борьбу за победу коммунизма. (*Бурные аплодисменты.*)

С именем Сталина связаны надежды трудящихся всего мира, борющихся за освобождение от капиталистического рабства. Все передовое человечество видит в товарище Сталине знамя борьбы за свободу и демократию, за мир между народами. (*Аплодисменты.*)

Слава гениальному мыслителю и вождю коммунизма, нашему учителю и другу, родному и любимому Иосифу Виссарионовичу Сталину! (*Все встают. Бурные овации. По залу волнами перекатываются возгласы: "Ура!" в честь товарища Сталина.*)⁸¹

⁸¹ "Правда". 22 декабря 1949г.

Затем начались выступления представителей общественности, ученых и деятелей искусств. После них наступила очередь тех, кто представлял братские страны и партии. От них первым выступил Мао Цзэдун, приехавший в Москву буквально за несколько дней до юбилея. Его речь я процитирую, кроме всего прочего, и по той причине, что Д. Волкогонов в своей книге допустил фактическую ошибку и придал ей некое мистическое значение. Он писал: «Весь вечер в зале звучало: «гений», «гениальный мыслитель и вождь», «гениальный учитель», «гениальный полководец»... Только Мао Цзэдун назвал его «великим». Может быть, в этом был потаенный смысл?»⁸²

Странно привести полный текст приветствия лидера китайских коммунистов 21 декабря, чтобы убедиться, что такого эпитета он к Сталину не применял. Вот лаконичный текст его речи:

“Дорогие товарищи и друзья!

Я всем сердцем рад тому, что мне представилась возможность принять участие в торжественном собрании, посвященном семидесятилетию со дня рождения товарища Сталина (*бурные аплодисменты*).

Товарищ Сталин является учителем и другом народов всего мира. Ему принадлежат развитие революционной теории марксизма-ленинизма и в высшей степени выдающийся, колоссальный вклад в дело международного коммунистического движения.

Китайский народ в борьбе против угнетателей всегда глубоко и остро чувствовал и чувствует всю важность дружбы товарища Сталина.

Разрешите мне от имени китайского народа и Коммунистической партии Китая в этот торжественный час поздравить товарища Сталина с семидесятилетием со дня рождения и пожелать ему здоровья и долгих лет жизни (*бурные аплодисменты*).

Позвольте выразить пожелания счастья и процветания нашему великому союзнику – Советскому Союзу, возглавляемому товарищем Сталиным”⁸³.

Как видим, китайский лидер назвал не Сталина, а возглавляемый им Советский Союз великим союзником. Так что какой-либо потаенный смысл здесь видеть просто смешно, ибо отсутствовал сам предмет всевозможных спекуляций по самым различным поводам. Видимо, не там искал Д. Волкогонов источник потаенных смыслов.

Присутствующих, да и не только их, но, можно сказать, весь мир, поразило то, что юбиляр никак не отреагировал на столь бурный поток славословий в свой адрес. В связи с этим весьма характерную картину рисует в своих воспоминаниях Д. Шепилов, который был участником данного действия. В своих воспоминаниях он писал:

“А когда отзывали речи, президиум заседания и весь зал стоя долго рукоплещет Сталину. Все ожидали, что вот сейчас он взойдет на трибуну и произнесет свою, как всегда, ювелирно отделанную речь. Или скажет хотя бы несколько благодарственных фраз. Или простое “спасибо” за теплоту и сердечность, с которыми обратились к нему все выступавшие гости со всего мира. Но Сталин не идет к трибуне. Глядя безучастным взглядом в зал, он медленными движениями хлопает в ладоши. Овации нарастают. Сталин не меняет ни выражения, ни позы. Зал

⁸² Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книга 2. С. 480.

⁸³ “Правда”. 22 декабря 1949г.

неистовствует, требуя выступления. Сталин сохраняет свою невозмутимость. Так проходит три, семь, не знаю, сколько минут. Наконец Шверник объявляет заседание закрытым. Потом еще долгие-долгие месяцы в "Правде" печатались огромные перечни поздравительных телеграмм Сталину в связи с 70-летием⁸⁴.

Откровенно говоря, я не нахожу мотивов, объясняющих такое поведение Сталина. Особенно, если сопоставить нынешнюю его реакцию на поздравления с его благодарностью в связи с 50-летием. Тогда он почти в полумистической манере давал, можно сказать, клятву на крови. (См. соответствующий раздел в томе II.) Видимо, сейчас делать подобного рода заявления ему было уже ни к чему: на дворе стояла другая политическая погода, а точнее сказать, совершенно иной политический климат. Он был единственным богом на советском политическом Олимпе, и в отличие от древнегреческой мифологии, где, помимо главного бога Зевса, фигурировали и другие весьма почитаемые божества, здесь все его соратники отнюдь не были богами, а всего лишь исполняли роль прислужников при главном божестве. И верховный правитель уже не нуждался в том, чтобы доказывать свою преданность идеалам коммунизма, как это было в прежние круглые юбилеи. Сейчас преданность ему самому лично выступала в качестве высшего критерия преданности идеалам того учения, которое он стал олицетворять уже на каком-то полубожественном уровне.

Однако это лишь небольшое отступление. Продолжу краткое изложение главных мероприятий юбилея. На следующий вечер, 22 декабря 1949 г., состоялся, как и было запланировано заранее, торжественный прием с самым широким кругом избранных гостей. Вот как описывала газета "Правда" это мероприятие:

"В Георгиевский зал входят товарищ И. В. Сталин, товарищи В. М. Молотов, Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Н. М. Шверник, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятов.

Участники приема бурной, продолжительной овацией приветствуют товарища И. В. Сталина, семидесятилетие которого отмечают в эти дни народы СССР и трудящиеся всего мира.

Тов. Н. М. Шверник, открывая прием, приглашает за стол президиума тт. Мао Цзэдуна, В. Червенкова, М. Ракоши, Г. Георгиу-Деж, В. Широкого, Пальмиро Тольятти, Долорес Ибаррури, В. Ульбрихта, Ф. Юзвяк, В. Пееси, Ж. Копленига.

Обращаясь к собравшимся, тов. Шверник говорит:

— Товарищи! Первый тост я предлагаю за великого вождя советского народа и трудящихся всего мира, за вдохновителя и организатора побед коммунизма, родного и любимого товарища Сталина. Желаем Иосифу Виссарионовичу Сталину здоровья и долгих лет жизни на счастье и радость всего человечества!

Зал встречает эти слова бурной овацией. Все встают. Раздаются звуки оркестра.

Тов. Шверник предлагает далее тост за Центральный Комитет Коммунистической партии, за коммунистическую партию большевиков, которая привела рабочий класс к победе диктатуры пролетариата, обеспечила построение социалистического общества в нашей стране и ведет советский народ к победе коммунизма.

Тов. Шверник, поднимая бокал, предлагает тост за великий советский народ, который под руководством коммунистической партии одержал победу над фашизмом и во главе всего прогрессивного человечества ведет неустанную борьбу против поджигателей новой войны, за мир между народами, за демократию и

⁸⁴ "Вопросы истории". 1998 г. № 6. С. 22.

социализм”⁸⁵. Дальше следуют в каком-то смысле дежурные, отработанные уже тосты. Прием завершился грандиозным концертом, в котором приняли участие лучшие творческие силы советских работников искусства.

Итак, торжества завершились, но заставили о себе еще долго вспоминать и говорить. Они явились своеобразным апогеем торжества Сталина как руководителя партии и государства, убедительным доказательством триумфа его политической деятельности. На закате лет он имел полное право сказать, что жизнь была прожита не напрасно. Примечательно лишь одно обстоятельство — он никак не поблагодарил участников торжества и не сказал даже положенное в таких случаях “спасибо” или “благодарю”. Но в конце концов — это был не дипломатический раут, а первостепенной важности политическое мероприятие, нацеленное на то, чтобы еще больше возвысить Сталина и гарантировать его от любых пополновений, в том числе и со стороны своих ближайших соратников. Хотя о такого рода пополновениях, на мой взгляд, всерьез говорить нет никаких оснований. Власть Сталина была абсолютной, непрекаемой и не подлежащей какой-либо критике. Эта была власть, завоеванная усилиями многих десятилетий, и покоилась она на многостороннем фундаменте. Конечно, культ самого вождя здесь играл свою важную роль, но отнюдь не он определял прочность здания нового строя. Имелись и другие мощные опоры, делавшие власть Сталина прочной, если не как сталь, то близко к этому.

В этой связи весьма сомнительной представляется мне точка зрения историка Ю. Жукова, который в различных средствах массовой информации проводит мысль о том, что фактически с 16 января 1951 года, после третьего инсульта, Сталин уже не работал. Он перестал соображать, ему отказывала память (“Наш современник” N12, 2004 г. Электронная версия). Из этого утверждения логически следует, что якобы Stalin фактически утратил свою неограниченную власть. Можно привести немало фактов и аргументов, заставляющих поставить под серьезное сомнение данное утверждение столь компетентного историка. Но я не стану углубляться в детали данной проблемы. На мой взгляд, достаточно напомнить о речи Сталина на первом пленуме ЦК после XIX съезда партии в октябре 1952 года, которая отнюдь не была короткой и которая содержала в себе исключительно важные политические положения (об этом будет идти речь в последней, 12-й главе — Н.К.), чтобы не только усомниться в убедительности версии Ю. Жукова, но и отнести ее к разряду произвольных предположений. Ю. Жуков в качестве доказательства ссылается, в частности, на речь Сталина на самом съезде, подчеркивая, что вождь с трудом произнес семиминутную речь. Конечно, он уже не был способен произносить многочасовые доклады. Однако его реальная власть заключалась не в этой его способности. Stalin отнюдь не перестал соображать, как полагает Ю. Жуков, а, напротив, судя по всему, задумал, видимо, широкомасштабную и далеко идущую программу кардинальной перетряски всей пирамиды партийной и государственной власти и сделал первые шаги на этом пути. Кроме того, тезис о том, что он перестал соображать, опровергается простым фактом публикации Stalinым ряда теоретических работ, написанных в последний период жизни. Короче говоря, версия Ю. Жукова выглядит более чем неубедительной и не выдерживает сопоставления с фактами.

На мой взгляд, все важнейшие решения принимались Stalinым или при его решающем участии. И это продолжалось вплоть до его финальной болезни

⁸⁵ “Правда”. 23 декабря 1949 г.

(если она была таковой, а не чем-то иным). Конечно, объем работы, которую проводил вождь и число решений, принимаемых им, значительно сократились. Но не сократился характер самой единоличной по своей сущности власти Сталина. И он ею пользовался вплоть до своей смерти. Такова, в сущности, природа власти диктатора: она перестает существовать вместе с его физическим уходом с политической сцены. А он продолжал быть самой важной и чрезвычайно активной фигурой на этой сцене. Он, безусловно, был единственным живым "общепризнанным богом" на советском Олимпе власти. Все его соратники, какой бы чисто внешней властью они ни пользовались, в конечном счете, выполняли волю Сталина. Разумеется, это не равнозначно тому, что они начисто были лишены какой-либо реальной власти. В рамках определенных вождем полномочий они осуществляли свои функции в сфере управления государственной и партийной жизнью. Однако, еще раз подчеркну, важнейшие решения принимались или самим Сталиным, или с его личной санкции. Таков был издавна установленный порядок, существовавший на протяжении всего периода сталинской эпохи.